

**Министерство высшего и среднего специального образования
Республики Узбекистан
Андижанский государственный университет
имени З.М.Бабура**

**На правах рукописи
УДК 8.08**

**Отделение магистратуры
Кафедра филологии**

**«Утверждаю»
заведующий отделением
Н.И.Аскарров**

« ____ » _____ 2015 год

**«Допущен к защите»
заведующий кафедрой**

« ____ » _____ 2015 год

Магистерская диссертация на тему:

«Стратегия и тактика демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского: «Село Степанчиково и его обитатели», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы»»

**Выполнила: магистрант кафедры филологии
по специальности родной язык и литература
(русский язык и литература)**

Семенеева Лаура Фаритовна

Научный руководитель:

канд.филол.наук, доц. Муминов М.Т.

Андижан - 2015

Содержание

Введение	3
Глава 1. Ф. М. Достоевский в концепции психологизма	
1.1. Психологические аспекты поэтики Ф. М. Достоевского	10
1.2 Концепция «Потока сознания» и специфика автобиографичности.....	22
Выводы по 1 главе.	
Глава 2. Речевое воздействие как наука	
2.1 Понятие речевого воздействия	32
2.2 Речевая стратегия	38
2.3 Речевые тактики.....	43
2.4 Демагогия как средство речевого воздействия.....	48
2.5 Лингвистические методики исследования речевого воздействия	49
Выводы по 2 главе.	
Глава 3. Изображение стратегий и тактик демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы»)	
3.1. Стратегия дискредитации аргументации. Тактика «Спор-диалог».....	68
3.2. Стратегия дискредитации аргументации. Тактика «Ваши тайные помыслы».....	71
3.3. Стратегия опровержение аргументации. Тактика «некорректная аналогия».....	76
3.4. Стратегия опровержение аргументации. Тактика «выдача следствия за причину» (навязанное следствие).....	78
Выводы по 3 главе.	
Заключение.....	82
Библиография.....	84

Введение

Тема, предмет и объект исследования.

Сформулированная в теме диссертации проблема речевой демагогии в прозе Ф.М. Достоевского, соотношение творчества писателя и культуры Востока содержит в себе целый ряд взаимосвязанных друг с другом аспектов. Это, в первую очередь, вопрос о влиянии поэтики Достоевского на восточное мировоззрение текста, тема историко-культурного взаимодействия Востока и Европы, проблема узнавания и осмысления творчества Достоевского восточным читателем.

Само понятие демагогии в диссертации интерпретируется как способ изображения человеческого сознания в произведениях Ф. М. Достоевского, включая специфику повествовательных методов, поэтику сюжета и образа.

Актуальность проблемы.

Общение практически полностью пронизывает всю нашу жизнь и духовную деятельность. Все социальные группы людей ежеминутно обмениваются устными или письменными сообщениями, поддерживают связи в виде определенных отношений. В общении протекает жизнь человека. Именно в общении формируются черты личности. В науке в качестве синонима термина «общение» используется термин «коммуникация» (от фр. communication – «сообщение, передача»). На пороге XXI века этот термин вошел в общую систему употребления, в первую очередь это было связано с развитием техники, связи, созданием теории коммуникации. Информационные процессы стали носить характер глобальной «эпидемии».

Что мы видим, оборачиваясь назад? XX век многое принес человечеству: возвысил личность, поднял на новый уровень культуру, изменил образ жизни и сознание людей, сделал мир в социальном плане более зрелым. Одновременно, «он значительно разъединил людей, усилил закомплексованность, лишил их доброты, внес в мировую культуру семена отчуждения, несогласия и национальной обособленности, привел

человечество и мировую культуру к трагической возможности самоуничтожения»¹.

В связи с этим, начинает проявляться интерес к природе речевого общения, а вместе с ним массовую популярность стали получать такие понятия как «речевое воздействие», «внушение», «гипноз», «демагогия». Эти понятия стали доминирующими темами многих учебников и книг по социологии, психологии, лингвистике, психиатрии, а также художественных произведений. Проблема демагогии и речевого воздействия находит свое отражение и в произведениях великого русского писателя Ф.М.Достоевского.

Творчество Ф.М.Достоевского не раз становилось предметом разноаспектного лингвистического и психологического исследования (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, М.М. Гиршман, Е.А. Иванчикова, Ю.Н. Караулов, В.Н. Топоров, Н.М. Чирков, З.Фрейд и др.),

в том числе и в аспекте речевой демагогии. По биографии и произведениям великого писателя снимаются фильмы и сериалы, сама личность писателя, а также созданные им «вечные» образы растиражированы в современной музыке и изобразительном искусстве, обрели нарицательное значение и низведены до уровня стереотипов в повседневно-бытовом контексте.

Актуальность темы исследования определяется также повсеместным присутствием Ф.М.Достоевского в нашем современном потоке жизни.

Как отметил М.М.Бахтин: «При ознакомлении с обширной литературой о Достоевском создается впечатление, что дело идет не об одном авторе - художнике, писавшем романы и повести, а о целом ряде философских выступлений нескольких авторов – мыслителей – Раскольникова, Мышкина, Ставрогина, Ивана Карамазова, Великого инквизитора и других».²

¹ Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.,2000. – С.61

² . Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.- 470с.

Обоснование выбора темы.

Вопрос демагогического речевого воздействия под разными углами зрения и с разной степенью обстоятельности затрагивали многие исследователи. Однако до сих пор не был осуществлен комплексный анализ вопроса взаимообусловленности изображения демагогического речевого воздействия с сознанием и личностью самого Ф.М.Достоевского.

В первую очередь наше внимание привлекла автобиографичность прозы писателя, которая дала нам почву для более детального изучения особенностей речевого воздействия на основе художественного материала.

Объект исследования: художественные произведения Ф.М.Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», исследовательская традиция достоевковедения, а также некоторые аспекты психологии, социологии и лингвистики.

Предмет исследования: проблема речевой демагогии в художественной прозе Ф.М.Достоевского.

Цель исследования: выявить сложный характер демагогии в художественных произведениях Ф.М.Достоевского, учитывая психологический фактор как основной, показать идейную сущность восприятия личности Достоевского и специфику прозы писателя.

Непосредственные задачи исследования:

Непосредственные задачи исследования сводятся к следующему:

1. Показать особенности прозы Ф.М.Достоевского, указав на новый тип отождествления героя и автора в его произведениях, проанализировав способы самовыражения главных героев посредством форм рассуждения, исповеди, монолога и диалога.
2. Определить межкультурный социальный аспект признания и восприятия Ф.М.Достоевского на Востоке.
3. На материале произведений Ф.М.Достоевского рассмотреть и охарактеризовать техники и способы, используемые

Ф.М.Достоевским при передаче внутреннего монолога героев, а также при раскрытии демагогической зоны в художественном тексте.

4. Путем анализа смысловых конструкций в произведениях Ф.М.Достоевского определить игровой аспект текста, раскрывающий автобиографичность прозы.

Выдвигаются на защиту следующие положения:

Автором диссертации выдвигаются и выносятся на защиту следующие положения:

1. В ходе работы над диссертацией был изучен ряд литературоведческих, лингвистических и психологических исследований относительно творчества Ф.М.Достоевского.
2. Проведенный анализ произведений Ф.М.Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», а также романа «Подросток», позволил выявить определенные сходства в семантическом аспекте произведений, а именно повторение мотива самоубийства, безумия и образа города, а также провести параллель между личностью самого писателя и его произведениями.
3. В исследовании разрабатывается новый подход к изучению творчества Ф.М.Достоевского в нашей стране, основанной, прежде всего на выявлении основной проблемы – речевой демагогии в тексте, а также соотношенности жизни писателя с образами и сюжетом его романов.
4. В диссертации осуществляется сравнительная характеристика проблемы демагогии романов в психологическом и лингвистическом плане на фоне города, героев, деталей.

Методология исследования.

В основу методологии диссертации был положен междисциплинарный комплексный подход, сочетающий в себе элементы литературоведческого и психологического анализов. Так как проблема речевого демагогического воздействия прозы Ф.М.Достоевского рассматривается в диссертации на

литературном материале, используются приемы компаративистского и описательного методов исследования художественных текстов.

Проблемное поле диссертации относится, прежде всего, к области риторики, философии, психологии и культуры, что и обуславливает проведение в работе наблюдательского обзора и сравнительного обобщения.

Методика исследования.

В качестве методов исследования мы выбрали описательный метод, который помогает синтезировать данные исследования.

Сравнительный метод – использование уже имеющихся данных и их сопоставление с данными нашего исследования.

Статистический, который заключается в обработке полученных данных.

Теоретическая значимость.

Результаты исследования могут быть взяты во внимание при решении проблемы широко психологического и поэтического описания таких структур как: речевое воздействие и художественный текст, при сопоставительном изучении проблем демагогии в литературоведении.

Практическое значение.

Данное исследование направлено преимущественно на рассмотрение психологического и демагогического аспектов, выявление специфических особенностей прозы писателя. В диссертации также рассматривается проблематика синкретичности и автобиографичности исследуемых произведений. Выявляются тенденции определения идиостиля писателя.

Диссертация может быть полезна и значима в рамках дальнейшего изучения таких лекционных курсов как «Стилистика», «Риторика», «Психология», «Культурология», «Литературоведение».

Основные положения исследования целесообразно применять при проведении семинаров по психологии, теории текста, а также синтаксиса русского языка.

Научная новизна работы:

Как уже отмечалось ранее, до сих пор не был осуществлен комплексный анализ вопроса взаимообусловленности изображения речевого демагогического воздействия с сознанием и личностью самого Ф.М.Достоевского. Как писал сам Достоевский: «Меня зовут психологом, неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть я изображаю все глубины души человеческой»³. Наша диссертационная работа представляет собой первый опыт выявления и описания тактик, характеризующих демагогическое речевое воздействие в художественной прозе в соотношении с такими факторами как: автобиографичность идиостиля, гендерная проблематика произведений, пространственное значение «Петербурга Достоевского». Этим определяется научная новизна работы. Конкретно она сформулирована в целях и задачах исследования.

Апробация работы.

Отдельные проблемы и фрагменты работы докладывались на региональных научных конференциях 2014-2015 года.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры филологии, факультета русского языка и литературы Андиганского государственного университета имени З.М. Бабура, а также на семинаре в Асакинском академическом лицее при Андиганском государственном университете.

Объем и структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание диссертации

В первой главе «Ф. М. Достоевский в концепции психологизма» дается описание специфики идиостиля писателя. Производится соотносительный анализ произведений писателя с личными переживаниями.

³ 1 Достоевский, Ф. М. Записки писателя // Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 27, С. 65

Во второй главе «Речевое воздействие как наука» нами представлена терминология понятий, которую мы использовали в исследовании (речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика).

В третьей главе «Изображение стратегий и тактик демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы»))» приводятся выборки из текстов с использованием различных тактик и стратегий.

Глава 1. Ф. М. Достоевский в концепции психологизма

1.1. Психологические аспекты прозы Ф. М. Достоевского

Федор Михайлович Достоевский – не просто выдающийся писатель, психолог, мыслитель, педагог, философ, но и человек «эпоха». Ему удалось дотронуться до сердца, до души человека, охватить масштабные проблемы всего человечества, которые остаются нерешенными и в наши дни. Еще в возрасте восемнадцати лет в письме к своему брату Михаилу он пишет: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»⁴, таким образом, уже в столь юном возрасте определяя свое предназначение на земле.

Хочется отметить, что личность Ф.М.Достоевского, его жизненные принципы вдохновляли многих гениев в различных областях науки. Например, А.Эйнштейн говорил о нем: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс»⁵. Известный австрийский композитор Густав Малер говорил, что книги Достоевского ему «важнее, чем контрапункт»⁶, Фридрих Ницше называл Достоевского «Достоевский - единственный психолог, у которого я мог кое-чему научиться, он принадлежит к самым счастливым случаям моей жизни».⁷

Творчество Достоевского не раз становилось объектом многих разноплановых исследований, в том числе и в области поэтики писателя. Нашей задачей в данной главе является выделение наиболее характерных особенностей поэтики Достоевского на основе краткого обзора основных работ, посвященных данной теме. В главе будут рассмотрены труды М. М. Бахтина, Л. И. Шестова, Вяч. Иванова, Л. П. Гроссмана, Б. М. Энгельгардта, и других исследователей, посвященные поэтике сюжета и образа в творчестве Достоевского.

⁴ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. Л.: 1972-1990.т. 1-30. кн. 1, с.61

⁵ Мошковский А.А., Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира.-М.: 1922, с.162

⁶ Малер Г. Письма, воспоминания. – М.: 1964, с. 507.

⁷ Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2.- М.: 1990. с. 620.

Хочется отметить, что поэтика Достоевского, повествовательные формы, используемые писателем, тесно связаны со способами репрезентации идей, как философских, так и мировоззренческих. Эту особенность глубокого взаимодействия формы и содержания в его произведениях отмечают многие исследователи его творчества. Главным затруднением в исследовании поэтики Достоевского является неоднозначность объективного, критического принятия повествовательного пространства романа.

В «Проблемах творчества Достоевского» М. М. Бахтин приводит цитату из исследования Б. М. Энгельгардта «Идеологический роман Достоевского»: «Совершенно справедливо отмечал эту особенность литературы о Достоевском Б. М. Энгельгардт. «Разбираясь в русской критической литературе о произведениях Достоевского, – говорит он, – легко заметить, что, за немногими исключениями, она не подымается над духовным уровнем его любимых героев. Не она господствует над предстоящим материалом, но материал целиком владеет ею. Она все еще учится у Ивана Карамазова и Раскольникова, Ставрогина и Великого инквизитора, запутываясь в тех противоречиях, в которых запутывались они, останавливаясь в недоумении перед неразрешенными ими проблемами и почтительно склоняясь перед их сложными и мучительными переживаниями».⁸

Исследуя поэтику писателя необходимо особо выделить роль внутреннего монолога героев произведений. Он является центральным, заглавным элементом творческого кредо Ф. М. Достоевского и отличается раздвоенным звучанием, которое Бахтин определил термином «диалогизм».

Современные исследователи выделяют три типа речи, встречающихся внутри монологов героев Достоевского.⁹ Во-первых, это нормативный рассказ, повествование о событиях. Кроме того, во внутренний монолог

⁸ Цит. по: Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994, с.5

⁹ Г. Ш. Хорват. Фантастический дискурс у Достоевского. Внутреннее слово героя и проблема письма в «Кроткой» // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. Каталин Кроо и др. СПб.: ДБ, 2011, с. 136

входят отвлеченные рассуждения героя о владеющих им идеях, и, наконец, непосредственно внутренняя речь, обращенная к самому себе, включающая эмоциональные восклицания, ассоциативные переходы мысли и прочее. Эти виды речи иногда трудно четко отграничить друг от друга, они тесно переплетены в отдельных текстах, и именно в этом переплетении и создается особое близкое пространство между героем и читателем.

Определяя поэтику Достоевского М.Бахтин вводит понятие полифония или полифонический роман. Оно стало весьма значимым в достоевсковедении, Сам термин «полифония», заимствованный Бахтиным из теории музыки, означал равноправие голосов-позиций героев между собой и, одновременно, их равноправие с голосом автора. Противопоставляя полифонический роман традиционному, монологическому, Бахтин приводит в качестве примера монологического повествования творчество Л. Н. Толстого: «Мир Толстого монолитно монологичен; слово героя заключено в твердую оправу авторских слов о нем. В оболочке чужого (авторского) слова дано и последнее слово героя; самосознание героя - только момент его твердого образа и, в сущности, предопределено этим образом даже там, где тематически сознание переживает кризис и радикальнейший внутренний переворот ("Хозяин и работник"). Самосознание и духовное перерождение остаются у Толстого в плане чисто содержательном и не приобретают формального значения»¹⁰

Именно такое же отличие фиксирует Л. И. Шестов в монографии «Достоевский и Ницше», когда говорит о мировоззренческой пропасти, лежащей между писателями и в поэтике их произведений. Достоевский, которого, по мнению Шестова, объединяет с Ницше свобода от старых, «идеалистических» мировоззренческих установок, осмеливается на полноераскрытие сознания героя, освобождение голоса героя от авторского диктата, что немислимо для Толстого.¹¹

¹⁰ Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 36

¹¹ Шестов, Л. И. Достоевский и Ницше: философия трагедии. М.: "АСТ", 2007, 220 с.

Однако сложно найти двух писателей, настолько противоположных друг другу в области поэтики, чем Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. С одной стороны, Толстого с Достоевским роднит глубина психологического проникновения в сознание героев. Но, в то же время, Толстой все же отстаивает традиционную модель взаимодействия с читателем и героями.

В большинстве его произведений заметна тенденция к общему превосходству автора над героями, порой переходящему в нравоучительный мелодраматизм. Так, в сцене самоубийства Анны Карениной Толстой не может удержаться от сентиментальной и дидактичной нагрузки, высказанной с позиции «всезнающего рассказчика»: «И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь, светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла».¹²

Понятия полифонии и диалогизма, при помощи которых Бахтин описывает поэтику Достоевского, происходят из проблемы «Я» и «Другого», исследуемой в работах «Автор и герой в эстетической деятельности»¹³ и «К философии поступка»¹⁴. В аспекте осмысления поэтики Достоевского Бахтиным категории «Я» и «Другой» достаточно важны. Выдвинутая в «К философии поступка» идея утверждения себя через противостоящего тебе «Другого», мотив соотнесения себя с другим, в итоге определяют эстетическую концепцию Бахтина.

В «Проблемах поэтики...» Бахтин отмечает эволюцию способа взаимодействия голосов героя и автора у Достоевского, которая заметна при сопоставлении ранних и поздних произведений писателя: «Самоутверждение звучит как непрерывная скрытая полемика или скрытый диалог на тему о себе самом с другим, чужим человеком. В первых произведениях Достоевского это

¹² Толстой, Л. Н. Анна Каренина // Lib.ru: Проект "Собрание классики" Библиотеки Мошкова . 2004-2013. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0080.shtml (дата обращения: 23.10.2013)

¹³ Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7-162.

¹⁴ Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986. С.80-160.

имеет еще довольно простое и непосредственное выражение: здесь этот диалог еще не вошел внутрь, так сказать, в самые атомы мышления и переживания. Мир героев еще мал, и они еще не идеологи»¹⁵. В качестве иллюстрации данного высказывания Бахтин приводит в пример монолог Макара Дежушкина в «Бедных людях». В более поздних произведениях диалогический монолог героев Достоевского приобретает более яркие формы.

Так, в «Преступлении и наказании» Родион Раскольников, получив от матери письмо о скором замужестве сестры и обо всех событиях, этому замужеству способствовавших, начинает лихорадочно размышлять о прочитанном. Он находится под впечатлением от своей встречи в кабаке с Мармеладовым и от его рассказа, поэтому размышление о положении Дунечки неразрывно связаны в его монологе с судьбой Сонечки Мармеладовой: «Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит! Жертву-то, жертву-то обе вы измерили ли вполне? Так ли? Под силу ли? В пользу ли? Разумно ли? Знаете ли вы, Дунечка, что Сонечкин жребий ничем не сквернее жребия с господином Лужиным? ... Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать! Не принимаю!».¹⁶

Здесь голос героя прерывается и в диалогическом переплетении на первый план выступает нечто другое, противоположное ему голосовое начало: «Он вдруг очнулся и остановился. "Не бывать? А что же ты сделаешь, чтоб этому не бывать? Запретишь? А право какое имеешь? Что ты им можешь обещать в свою очередь, чтобы право такое иметь? ... Ведь тут надо теперь же что-нибудь сделать, понимаешь ты это? А ты что теперь делаешь? Обираешь их же»¹⁷. В этом отрывке очень хорошо прослеживается раскрытие диалогического взаимодействия в монологе героя: раздвоенность его внутреннего голоса, с одной стороны доведена до предела, а с другой

¹⁵ Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 87

¹⁶ Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5. С. 44

¹⁷ Там же, с. 45

стороны, не выходит за рамки его образа. Внутренний монолог героя передан в чистом виде, эмоционально, в форме диалога с самим собой или обращения к мнимому воображаемому слушателю.

Нередко такого рода диалог героя с самим собой обретает более явные формы, внутреннее «альтер-эго» героя воплощается в самостоятельного, независимого персонажа. Это касается не только всем известной беседы Ивана Карамазова с Чертом, но и феномена двойничества героев Достоевского, когда в процессе диалога один герой обретает статус альтер-эго другого. Обретение этого двойничества происходит, главным образом, через идеологическую связь. В «Преступлении и наказании», статус двойников Раскольникова обретают сразу трое героев: Лужин, Свидригайлов, и следователь по делу Раскольникова, Порфирий Петрович.

Двойничество со Свидригайловым сразу подчеркивается автором при первой же встрече двух героев странным и пустым на первый взгляд диалогом, когда Свидригайлов сообщает Раскольникову о том, что ему мерещатся привидения: «- Отчего я так и думал, что с вами непременно что-нибудь в этом роде случается! - ...

- Во-от? Вы это подумали? - с удивлением спросил Свидригайлов, - да неужели? Ну, не сказал ли я, что между нами есть какая-то точка общая, а? ... Давеча, как я вошел и увидел, что вы с закрытыми глазами лежите, а сами делаете вид, - тут же и сказал себе: "Это тот самый и есть!"»¹⁸

Образ Лужина также необходим в рамке идеи, охватывающей Раскольникова и сподвигшей его на преступление. Эта идея, на самом деле отражает распространившиеся в России во второй половине XIX в. концепцию позитивистской этики, идеи о важности фактора экономического преуспевания для развития культуры и общества.

Хотя Бахтин и отмечает в качестве заглавного элемента «вненаходимость» автора, все же герои произведений подвергаются некоторой оценке, не как со

¹⁸ Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5. С. 270

стороны автора, а как со стороны рассказчика. В «Бесах», например, рассказчик присутствует на вполне зримом, осязаемом уровне: повествование ведется от первого лица, рассказчик выделяется как лицо, достаточно близко знакомое с героями и непосредственно принимавшее участие в событиях, описываемых в романе. Через фигуру рассказчика осуществляется дистанцированная оценка героев.

Например, в главе «У наших», описывая собравшееся у Виргинского общество, рассказчик не отказывает себе в едкой иронии: «Они представляли собою цвет *самого ярко-красного либерализма* в нашем древнем городе и были весьма тщательно подобраны Виргинским для этого "заседания"». ¹⁹

В «Преступлении и наказании», в отличие от «Бесов», рассказчик не является участником происходящих событий, но, тем не менее, внешняя, эмоционально окрашенная оценка явственно присутствует в описании героев. В большинстве случаев у Достоевского встречается достаточно внешнее, но весьма детальное описание героев с нескрываемой временами иронией в отношении их наружности или костюма. В этом описании нередко используется набор эпитетов, которые характеризуют героев и впоследствии не раз повторяющихся в произведении при каждом его появлении.

Например, в образе Лужина автором выделяются такие характеристики, как «*солидность*», «*достоинство*», «*приличие*». Во время общего объяснения после ссоры Лужина с Раскольниковым описывается внешнее, «мизансценное» поведение Лужина и его реакции: «Петр Петрович, *для приличия*, замешкался несколько в прихожей, снимая пальто. ...Петр Петрович вошел и довольно любезно, хотя и с *удвоенною солидностью*, раскланялся с дамами... ...Петр Петрович не спеша вынул батистовый платок, от которого понесло духами, и высморкался с видом хотя и добродетельного, но всё же несколько *оскорбленного в своем достоинстве* человека, и притом твердо

¹⁹ Достоевский, Ф.М. Бесы. // Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 7, с. 367

решившегося потребовать объяснений»²⁰. Затем, уже после сцены разрыва намеченной помолвки с Дуней перед читателем, наконец, раскрывается внутренний мир героя, его надежды, желания и мечты: «Дуня же была ему просто необходима; отказаться от нее для него было немислимо. ... Тут являлось даже несколько более того, о чем он мечтал: явилась девушка гордая, характерная, добродетельная, воспитанием и развитием выше его (он чувствовал это), и такое-то существо будет рабски благодарно ему всю жизнь за его подвиг и благоговейно уничтожится перед ним, а он-то будет безгранично и всецело владычествовать!...»²¹

Здесь прослеживается особенный для Достоевского способ репрезентации сознания героя: в определенные моменты это обычная формула взаимодействия героя и рассказчика, предполагающая внешнее описание, постепенно герой приближается к читателю, максимально раскрываясь во внутреннем монологе. Такой свободный переход от внешнего описания героя к раскрытию его внутреннего голоса весьма характерен для европейского авантюрного романа середины XIX в., однако, до Достоевского, внутренний монолог не имел такой откровенности в своей передаче.

Другой особенностью поэтики Достоевского является глубокая символичность образов и сюжетов его произведений. Вячеслав Иванов в работе «Достоевский и роман-трагедия»²² определяет жанровую природу поэтики Достоевского как «мистический» или «символический» реализм и подчеркивает мифологический подтекст его произведений, раскрывшийся в образах героев и сюжетных мотивах. Б. М. Энгельгардт говорит о создании Достоевским жанра «идеологического романа», использование этого термина имеет под собой явные основания: в произведениях Достоевского идея часто

²⁰ Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собр. Соч. в 15-ти томах. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 5. С. 245

²¹ Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собр. Соч. в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5. С. 245

²² Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия // vehi.net: библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. 2000-2012. URL: http://www.vehi.net/dostoevsky/ivanov.html#_ftn1 (дата обращения: 04.11.2014)

становится важнее самого героя, именно она укутывает и повинует его себе полностью. Одержимость идеями, никаким образом независимая внешним миром и не ограниченная самим героем, ведет к потере человеческой идентичности, природной сущности героя, на что открыто намекает читателю название романа «Бесы».

С мотивом одержимости идеями тесно переплетается феномен появления героя-символа в произведениях Достоевского. Некоторые герои играют только сюжетную роль или представляют в произведении определенный архетип. Так, юродивая Лизавета в «Преступлении и наказании» символизирует невинность и человечность, которые убивает в себе Раскольников в момент убийства старухи-процентщицы, а также показывает саму противоестественность человекоубийства. Нередко герои-символы выполняют особую сюжетную функцию, являются главными действующими лицами романа: образ Хромоножки (Марьи Лебядкиной) в «Бесах» представляет собой архетип вешей девы, а образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» заключает в себе архетип мудрого старца.

В большинстве случаев герои могут приобретать символическую многозначность и возможность их расшифровки на самых разных уровнях. Ярким примером тому может служить образ Ставрогина. В романе «Бесы» во вполне значимой форме выделен мифологический символ «премудрого змия» (название одной из глав романа, где впервые появляются Ставрогин и Петр Верховенский). Прежде всего, это название является аллюзией к известной евангельской цитате. В Евангелии от Матфея, напутствуя Апостолов, Иисус говорит: *«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: и так будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби»* (Мф 10, 16).

На более сложном уровне, название главы отсылает и к ветхозаветной, дохристианской символике (змей-искуситель в Эдеме), причем данное название явно адресуется автором кому-то из героев.

Уже сложившаяся в литературоведении интерпретация названия главы «премудрый змий» предполагает некую схожесть Ставрогина со змием-

искусителем, мифическим существом, которое обольщает людей и вводит их в заблуждение. На самом деле такое толкование отнюдь не так однозначно.

С одной стороны, образ Ставрогина наделен главным свойством «премудрого змия» - удивительным даром обольщения. На это указывают его отношения с другими персонажами романа. В действительности, все главные женские образы представлены в романе именно через образ Ставрогина: Варвара Петровна, его мать, боготворит своего сына, красавица Лиза Тушина также влюблена в него, Дарья Шатова выполняет при нем роль «сиделки», а Марья Тимофеевна Лебядкина питает к нему восторженные, романтические чувства, даже жена Шатова, которая появляется лишь в конце романа, также, очевидно, любила его и была им обманута. С другой стороны, настоящий внутренний мир героя, раскрывается только в эпилоге романа «Исповедь» старцу Тихону, и поэтому его личная судьба заставляет несколько усомниться читателя в такой трактовке образа. Н. А. Бердяев отмечает, что на момент происшествия основных событий романа Ставрогин, по сути, уже духовно мертв.²³

Главной движущей силой становится, как пишет сам Ставрогин о себе в письме к Дарье Шатовой, «отрицание». Конечно же, Ставрогин говорил не только об отрицании бога, но и всякой нравственной идеи вообще.

В моменты своих «чуждачеств» Ставрогин, совершает одно за другим абсурдные преступления, активно занимается «отрицанием», но, в итоге, разочаровывается и в этом. Здесь он предстает перед нами нравственно мертвым. На самом же деле, Ставрогин просто играет роль мнимого «премудрого змия». Архетип Самозванца постоянно сливается в его образе с архетипом Царевича. Такой дуализм вполне осознанно отмечен самим Достоевским: другие герои и сам автор неоднократно именуют Ставрогина «принцем Гарри», как бы аллюзией к пьесе Шекспира «Генрих IV» и скрывает более глубокую, мифологическую сущность псевдонима.

²³ Бердяев, Н.А. Ставрогин // Бердяев, Николай. Смысл творчества. М: АСТ, 2011, с. 5-15

Истинным змием-искусителем в «Бесах» является Петр Верховенский.

Сам его образ в высшей степени символичен, в первую очередь это наблюдается в описании его наружности: «Это был молодой человек лет двадцати семи или около,Одетый чисто и даже по моде, но не щегольски; как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но, однако ж, совсем не сутуловатый и даже развязный. Как будто какой-то чудак, и, однако же, все у нас находили потом его манеры весьма приличными, а разговор всегда идущим к делу. Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится. ... Выражение лица словно болезненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щеках и около скул, что придает ему вид как бы выздоравливающего после тяжелой болезни. И однако же он совершенно здоров, силен и даже никогда не был болен».²⁴ Двойственность образа Верховенского исходит из понятий света и тьмы, добра и зла, что определяет темную сущность этого персонажа. «Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту должно быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно острым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком».²⁵ Метафора о «заостренном», змеином языке уже сама выдает авторскую мысль о том, что именно Верховенский является в романе настоящим бесом, Мефистофелем, «премудрым змием». Немного другой аллегорический намек содержится в эпитете «обезьяна», которым награждают Верховенского сразу два героя: Ставрогин в Скворешниках («Я на обезьяну мою смеюсь»)²⁶ и Кириллов в сцене перед самоубийством («Обезьяна, ты поддакиваешь, чтобы меня покорить...»²⁷).

²⁴ Достоевский, Ф. М. Бесы. // Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 7, с. 172

²⁵ Там же, с. 173

²⁶ Там же, с. 494

²⁷ Там же, с. 574

Здесь стоит вспомнить известное изречение, приписываемое Иринею Лионскому, о том, что «дьявол – обезьяна бога», в этом случае образ Верховенского становится гораздо более ясным.

В итоге, трактовка образа Ставрогина как змея-искусителя, Мефистофеля оказывается в конечном итоге ложной. По сюжету Ставрогин представляется скорее Фаустом, оболоченным дьяволом, который расплачивается за свое тщеславие. Об этом пишет Вячеслав Иванов, раскрывая мифологический смысл романа «Бесы»: «...Достоевский естественно должен был оглянуться на уже данное во всемирной поэзии изображение того же по символическому составу мифа - в "Фаусте" Гете. Хромоножка заняла место Гретхен, которая, по разоблачениям второй части трагедии, тождественна и с Еленой, и с Матерью-Землей; Николай Ставрогин - отрицательный русский Фауст, - отрицательный потому, что в нем угасла любовь и с нею угасло то неустанное стремление, которое спасает Фауста; роль Мефистофеля играет Петр Верховенский, во все важные мгновения возникающий за Ставрогиным с ужимками своего прототипа».²⁸

В сюжете «Мятеж против матери-земли» Иванов видит сквозной мотив, рефреном повторяющийся из одного произведения в другое: так, Раскольников, совершивший преступление против *природы* человеческой (или матери-земли) и князя Мышкина, всецело ей преданного, он представляет как персонификации двух полюсов «одного художественного замысла».

В архетипе «чужеземца» также собраны черты разных героев Достоевского. «Чужеземцем» (пример, который Иванов приводит из западной литературы — Дон Кихот) могут являться разные герои: Мышкин, Алеша Карамазов, главный герой «Хозяйки» - тут важна не индивидуальность героя, а его мифологическая «миссия» или роль. Все эти мифы (архетипы), по мнению Вяч. Иванова, повторяют один сюжетный элемент.

²⁸ Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия // vehi.net: библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. 2000-2012. URL: http://www.vehi.net/dostoevsky/ivanov.html#_ftn1 (дата обращения: 01.09.2013)

Интерпретация Ивановым мифологического пространства произведений Достоевского во многом определяется «символистским модусом» восприятия творчества, и, тем не менее, Иванов был прав в своем умении разглядеть мощную семиотическую потенциальность, заложенную в образах Достоевского, причем, как мы можем судить по дневнику и заметкам писателя, заложенную вполне сознательно и являющуюся частью творческого метода писателя.

В целом, поэтика образов в творчестве Ф. М. Достоевского характеризуется новым методом репрезентации сознания (через диалогическое взаимодействие) и символизацией образа героя в произведении, а также изменением отношений героя и автора в произведении – то самое равноправие голосов героев и рассказчика, которое М. М. Бахтин и описывает понятием «полифонического романа».

1.2 Концепция «Потока сознания» и специфика автобиографичности.

Как уже отмечалось нами ранее, одной из особенностей прозы Достоевского считается концентрация внимания на внутренней оболочке героев, которая явно проявляется во внутреннем монологе. Специфика внутреннего монолога художественных произведений теснейшим образом связана с понятием «поток сознания». Это понятие зародилось в рамках психологической концепции Уильяма Джемса. В своей работе «Основы Психологии» он определяет сознание как непрерывный поток, в противоположность представлению о сознании как ряде (или цепи) отдельных явлений, опосредованно связанных друг с другом: «Таким образом, сознание всегда является для себя чем-то цельным, не раздробленным на части. Такие выражения, как «цепь (или ряд) психических явлений», не дают нам представления о сознании, какое мы получаем от него непосредственно. ... В сознании нет связок, оно течёт непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафору «река» или «поток». Говоря о нём ниже, будем

придерживаться термина «поток сознания» (мысли или субъективной жизни)».²⁹

Это привело к переосмыслению способов репрезентации психики человека. Практически все явления и события в психической жизни человека неразрывно связаны между собой, поэтому нельзя говорить о том, что наша психика делится на рациональную и чувствительную. Скорее всего, она предстает в виде атомов с хаотичным непрерывным движением. Здесь имеется в виду не только подверженность влиянию со стороны внешней среды, но и самостоятельное внутреннее развитие, происходящее на основании полученного опыта. Философией сознания занимался еще один ученый Анри Бергсон.

Бергсон использует метафору «жемчужная нить», чтобы описать процесс распознавания нашим разумом определенных душевных состояний или явлений, а также следующего за этим искусственного соединения отдельных жемчужин-состояний нитью. Эта создаваемая искусственно связь - по сути лишь «тот субстрат, только простой знак, непрерывно напоминающий нашему сознанию об искусственном характере тех операций, которыми наше внимание соединяет одно состояние с другим, тогда как на самом деле это один непрерывный поток».³⁰

В литературоведении понятие «потока сознания» означало не только изменение техники повествования, но и изменение способа существования автора в произведении, изменение его взаимоотношений с читателем. Влияние зарубежной литературы, прежде всего французской, во многом предопределило развитие романа «потока сознания» в Британии. Роман французского драматурга и поэта Эдуара Дюжардена «Лавры срезаны», опубликованный в 1888 г., считается литературоведами первым проявлением техники «потока сознания».

²⁹ Джемс, Уильям. Психология. М.: Педагогика, 1991, с. 63

³⁰ Бергсон, Анри. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест, 1999, с. 17

Концепция потока сознания начала проявляться и в русском романе второй половины XIX в.. Помимо широко известного финального монолога Анны Карениной у Толстого. Части концепции или техники потока сознания можно встретить и в произведениях Ф. М. Достоевского. Произведением с наиболее выраженной тенденцией к изображению потока сознания является роман «Преступление и наказание». Здесь Достоевский раскрывает сознание героя не только через диалогическое взаимодействие с другими персонажами и воображаемым слушателем, а переходит порой к прямой трансляции потока сознания.

Носитель «потока сознания» в романе, Родион Раскольников, представлен Достоевским практически все время находящимся в состоянии «бреда», «лихорадки», болезни. Эта особенность авторской репрезентации героя неслучайна: фактором нетипичного, измененного состояния сознания героя Достоевский оправдывает нетрадиционную технику передачи отрывочных, беспорядочных восклицаний, передающих эмоциональный заряд и связанных друг с другом ассоциативно.

Лихорадочное, бредовое состояние выражается в стихийном потоке сознания: «Мать, сестра, как любил я их! Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить... Бедная Лизавета! Зачем она тут подвернулась!.. Странно, однако ж, почему я об ней почти и не думаю, точно и не убивал?.. Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые!.. Зачем они не плачут? Зачем они не стонут?.. Они всё отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!..»³¹.

В некоторых эпизодах автор занимает только, описательную позицию по отношению к герою, но углубленная, образная передача эмоциональных состояний героя, предельная концентрация на его ощущениях как бы компенсируют эту кажущуюся поверхностность: «Даже чуть не смешно ему стало и в то же время сдавило грудь до боли. В какой-то глубине, внизу, где-

³¹ Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5, С. 275

то чуть видно под ногами, показалось ему теперь всё это прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи, и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам, и всё, всё... Казалось, он улетал куда-то вверх и всё исчезало в глазах его...»³².

Поэтике Ф. М. Достоевского свойственно акцентирование проблемы взаимодействия окружающей жизни и внутреннего мира человека. Эту проблему соприкосновения категорий «внутреннего» и «внешнего» рассматривает А. Л. Бем в своих статьях о русской литературе: «И здесь перед нами хорошо известная проблема Достоевского, прочно связанная в его творчестве с понятием «живой жизни». Уход от жизни, которая может окриком и колесом распугнуть все призраки, попытка найти выход в отъединении от реального тока живой действительности, закрыть глаза на человеческое горе и страдание, уйти в мир своих вымыслов или отдаться одной идее – страсти – все это для Достоевского значило, в конечном счете, совершить нравственное преступление перед собою и окружающим миром»³³.

А. Л. Бем выделяет в концепции Ф. М. Достоевского две противоположные структуры: уход в себя, отразившийся в образах Мечтателя и Подпольного человека, и противоположная ему идейная одержимость, которая выражается в стремлении изменить окружающий мир согласно своему представлению о должном (что мы видим в образах Раскольникова, Верховенского).

Еще одной особенностью творчества Ф.М.Достоевского является автобиографичность и глубокий психологизм прозы. Многими исследователями было отмечено особое проникновение Достоевского в психологию личности. Он гораздо раньше З.Фрейда дал описание некоторым подсознательно немотивированным, на первый взгляд, проявлениям характера человека. Нельзя не согласиться с современным утверждением о том, что

³² Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5, С. 282

³³ Бем, А. Л. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 78

«только поднявшись до Достоевского, Фрейдизм могло бы стать подлинным психоанализом».³⁴

Ф.М. Достоевский долгое время занимался изучением психики безумцев, преступников, самоубийц, жуликов, которые стали героями многих его произведений. Из психологии каждой отдельно взятой личности, он постепенно проникает в психологию семьи, социальную и народную психологию. Нельзя найти такую психологическую школу, которая бы не обращалась к личности писателя, к его произведениям, к героям его романов, к их страданиям, надеждам, чаяниям, мучениям и мытарствам.

На фоне произведений Ф.М.Достоевского представители различных психологических течений утверждали право на существование той, или иной теории, обосновывая свои взгляды через героев романов. Во всех его произведениях можно найти персонажей, страдающие галлюцинациями, неврозом, садизмом, мазохизмом, истериками. Все эти состояния перекликаются с личным жизненным опытом писателя (отец-тиран, мать-подчиненная, литературный резонанс, взлеты, падения). Это и привело писателя к эпилепсии, его страсти к азартным играм и существованию на грани нервного срыва. Здесь, мы не можем не затронуть тему эпилепсии или судорожного состояния, которое переносил сам Ф.М. Достоевский еще с раннего детства. Его брат Андрей рассказывал, что Федор уже в молодые годы, перед тем, как заснуть, оставлял записки, что боится ночью заснуть смертоподобным сном и просит поэтому, чтобы его похоронили только через пять дней.³⁵

Основатель психоанализа З.Фрейд в своей статье «Достоевский и отцеубийство» говорил о так называемом Эдиповом комплексе, отождествлении Ф.М. Достоевского со своим отцом и «бессознательном»

³⁴ См.: Психология писателя. – М.: 1988. Грифцов Б.А. метод Фрейда и Достоевский, с. 252

³⁵ Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. // Гроссман Л.П. Собр. соч.: В 4-х т. Т.4. М.:

"Достоевский за рулеткой", введение, с. LX.

желании его убить.³⁶ Глубокое чувство вины превращалось порой в болезненное состояние. С одной стороны восхищение властью отца, с другой стороны осознание того, каким путем достигается эта власть и некая одновременная ненависть и боль по отношению к родному отцу, вероятнее всего, и повлияли на жизненное кредо писателя.

Ф.М.Достоевский труден для читателей в том плане, что механизм жизни человека, который он показал в своих произведениях, не выстроен на основании какого-либо алгоритма, психологическая тонкость стала плодом беспредельных мук собственной жизни писателя. Для героев Достоевского характерен внутренний диалог. Герои зачастую оппонируют сами с собой, ругают себя, анализируют свои действия и это не единственное из значимых качеств идиостиля писателя. Непостоянство является движущей силой многих его произведений, к примеру, именно оно приводит к трагическому исходу Настасьи Филлиповны из романа «Идиот». Ее «скитания» от одного мужчины к другому и спор между двумя частями своего «Эго» останавливает один удар ножа Рогожина, который разрешил участь бьющегося в неопределенности человека.

Анализируя роман «Подросток», нельзя не заметить отпечатки автобиографичности. Ф.М. Достоевский словами главного героя Подростка предает увиденное, накопившееся, наболевшее. «Надо быть слишком подло влюбленным в себя, чтобы писать без стыда о самом себе»³⁷ признается писатель. Уже такое начало произведения дает нам право провести параллель между Ф.М.Достоевским и «Подростком». В глаза бросается еще тот факт, что практически во всех произведениях великого писателя женщины-героини несут в себе ярлык «униженности и оскорбленности», они всегда жертвы насилия. В «Подростке» мы слышим такие слова: «То надо бы разом низвести

³⁶ Фрейд.З. Достоевский и отцеубийство//под ред. Р.Ф. Додельцева и К.М. Долгова. – М.: Республика, 1995

³⁷ Достоевский Ф.М. «Подросток», yes@lib.ru. С.12

всех женщин на степень простых домашних животных, и в таком только виде держать их при себе; может быть этого очень многим хотелось бы».³⁸

Не являются ли эти слова криком из детства? Криком души от жестокости и деспотичности придирчивого отца по отношению к детям, крестьянам и особенно к жене.

Образ матери – беззащитной, простодушной и готовой к подчинению женщины стал прототипом многих героинь его произведений. « Поверь, жизнь всякой женщины, что бы она там не проповедовала, это – вечное искание, кому бы подчиниться».³⁹

Смерть отца сильно повлияла на писателя, именно в это время у него случился первый припадок эпилепсии, описанный нами ранее. Сложность натуры Ф.М.Достоевского, его скорбь о судьбе обездоленных, простых людей уходят вглубь, в семью, в те впечатления, которые он вынес из детства. «Но так всегда у этих беззащитных, и знают, что гибель, а лезут»⁴⁰ пишет он.

Чувство вины перед отцом, (за ненависть и желание его убить) уже в зрелом периоде писателя привели к болезненной страсти к азартным играм, от которых так страдала жена Ф.М. Достоевского. Обещания покончить со своей «дурной» привычкой заканчивались очередным проигрышем и бедственным состоянием семьи. Как вспоминает его жена, у Достоевского получалось хорошо писать тогда, когда он проигрывал.

Видимо для него был важен сам процесс игры, а не выигрыш. И только проиграв свое состояние, он этим как бы искупал свою «вину». Тема отождествления молодого человека, неокрепшего в осознании понятий добра и зла раскрывается в романе «Подросток». Главный герой этого произведения Аркадий, которого можно назвать прототипом самого Достоевского ищет идеал в своем отце Версилове и все это происходит на бессознательном уровне. «Борьба двух начал в душе Подростка, поиски идеала – вот, что в

³⁸ Там же, С.32

³⁹ Там же, С 34

⁴⁰ Там же, с. 56

конечном счете определяет фабулу и композицию романа»⁴¹ говорил исследователь творчества Достоевского Н.К. Савченко.

Использование в романе слова «проба» тоже не случайно. Это слово всегда занимает особое место в произведениях Достоевского и обычно является движущей силой главных героев. Еще по роману «Преступление и наказание» нам известно, на какую «пробу» покушался Родион Раскольников. «Проба» - это всегда идея. В.Я. Кирпотин писал: « «проба» представляет собой какое-либо катастрофическое событие, возникающее как результат столкновения исторических, социальных, а также личных, нравственных противоречий. «Проба» может заключать в себе испытание идеи, сосредоточившей самые глубокие антиномии действительности.

В «пробе» как в фокусе, пересекаются все линии романа, решаются судьбы всех действующих лиц».⁴²

Роман Достоевского «Подросток» - это роман – воспитание – узнавание – переосмысление. Сам автор определил цель романа: «Главная идея. Подросток хотя и приезжает с готовой идеей, но вся мысль романа та, что он ищет руководящую нить поведения, добра и зла, чего нет в нашем обществе, этого жаждет он, ищет чутьем, и в этом цель романа»⁴³

При чтении романа «Подросток» мы сталкиваемся со словом «вострый», которое обычно звучит в описании героев: «Это была крошечная сухая старушонка с *вострыми* и злыми глазками, с маленьким *вострым* носом и простоволосая...» (старуха-процентщица, «Преступление и наказание»).

Слово «вострый» имеет несколько значений:

- 1) хорошо отточенный, острый.
- 2) Суживающийся к концу, имеющий заостренную форму.

⁴¹ Савченко Н.К. Как построен роман Достоевского «Подросток»//Русская литература. 1964. - № 4. – С.41.

⁴² Кирпотин В.Я. Жанровое своеобразие романа «Подросток»//
Кирпотин В.Я. Статьи, исследования. М., 1893. с. 3

⁴³ Кантор В.К. Достоевский, Ницше и кризис христианства в Европе конца 19 – начала 20 века. Вопросы философии 2002 № 9 с 51

3) перен. Проницательный, живой (о глазах)
перен. Проворный, бойкий (о человеке).⁴⁴

Частое употребление этого слова может говорить о внутренней агрессии Достоевского по отношению к описываемым героям. Второе толкование слова в словаре, вероятнее всего, уже предрекает смерть и кровь.

Можно безгранично говорить об уникальности дара Ф.М.Достоевского как писателя и психолога, о своеобразной писательской манере, об исповедальном характере его идиостиля и многое другое. Но главное то, что Ф.М. Достоевский не учит нас, то есть читателей жить, он далек от критики. Главной его задачей является показать человека таким, какой он есть на самом деле. В своих произведениях он несет идею веры, добра и глубокую боль за обездоленных людей. Страдания стали для писателя истина: человек становится человеком только через страдание и сострадание.

Выводы по 1 главе.

Художественная проза Ф.М.Достоевского содержит в себе целый ряд взаимосвязанных друг с другом аспектов. Творчество писателя отражается в каждом его произведении и перекликается с личными переживаниями главных героев. Исследование прозы Достоевского помогло выделить две плоскости, на которых базируется специфика стиля писателя, с одной стороны это глубокое содержание внутреннего монолога героев, а с другой стороны «полифония» произведений. Определяется тенденция к «раздвоению» героев, внутренний голос представляется здесь самостоятельным персонажем, зачастую даже оппонентом. Особенности идиостиля писателя составляет концепция «потока сознания», она представляет собой непрерывность суждений, смену впечатлений, влияющих на речевой аспект героев. Вместе с

⁴⁴ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка.

этим хотим отметить еще одну особенность поэтики Достоевского это автобиографичность его произведений. Исследование показало, что герои многих произведений Достоевского являются прототипом самого писателя. Правдоподобность произведений и достоверность описания событий являются личным жизненным опытом писателя. Все произведения проникнуты особым психологизмом. Достоевский практически всю свою жизнь занимался исследованием диалектики души, пытался раскрыть незнакомые стороны человеческого бытия. Специфика его произведений состоит в мироощущении, философии, которые он как бы расстилает перед каждым читателем.

Глава 2. Речевое воздействие как наука

2.1. Понятие речевого воздействия

Умение вести конструктивный диалог, выступать публично, строить свою речь в соответствии с ситуацией общения, добиваться поставленных целей, используя слово как важнейший инструмент коммуникации, является одним из главных качеств современного человека. По этой причине в 20 веке появляется ряд обширных работ, посвященный проблеме речевого воздействия. Традиционно проблемы речевого воздействия рассматривались в русле психологии, социологии, теории коммуникации, педагогики, например, [Леонтьев А. А. 1972, Леонтьев А. Н. 1977; Феофанов О. А. 1974, Поршнева Б. Ф. 1979, Шенк Р. 1980 (перев. с англ.), Артемов В. Л. 1985, Скуленко М. И. 1986; Дридзе Т. М. 1984; Зимняя И. А. 1976, 1978; Петренко В. Ф. 1988, 1990].

За рубежом сходный круг проблем исследуется под иными названиями. Во-первых, это «научная аргументация», в конце XIX – первой половине XX в. изучаемая в рамках философии языка, а в последнее время рассматриваемая в русле лингвистической прагматики и теории дискурса (например, [Vossler K. 1904; Kambartel F., Schneider H. 1981; McDowell J. H. 1985; Allwood J. 1986; Поппер К. 2004; Eemeren F. H. v., Grootendorst R. 2004]). Во-вторых, это «пропаганда» и «технологии убеждения» ('persuasion technology' или 'persuasion techniques'), изучаемые главным образом социологией, социальной психологией и теориями политической и массовой коммуникаций [Блакар Р. М. 1987; Хабермас Ю. 2000; Ellul J. 1972; Schank R. C., Abelson R. P. 1977; Miller M. 1982; Engel S. M. 1984; Bayley P. 1985; Pratkanis A., E. Aronson E. 1992; Jowett G. 1999; Rushkoff D. 1999; Fogg B. J. 2003]. В-третьих, это «деловая коммуникация», рассматриваемая в русле ориентированных на практику делового общения школ, например, Д. Карнеги и подобных [Carnegie D. 1990; Nichols R. G. et al. 1999; Patterson K. et al. 2002; Christensen L. Th. et al. 2003; Adler R. B., Elmhorst J. M. 2004;

Patterson K. et al. 2004]. В-четвертых, это «техники убеждения» в рекламе, «продвижение товара» (sales promotion) в маркетинге и т. п. [Degen C. 1987; Levin I. P., Gaeth G. J. 1988; Simonson I. et al. 1993, 1994; Ganzach Y., Karsahi N. 1995; Tellis G. J. 1998 и др.]. Изучение проблем речевого воздействия привело к появлению новой науки - науки об эффективном общении.⁴⁵

Развитие свободы, демократии, изменение концепции человека в обществе, изменение отношения к труду во всем мире стали первопричинами появления науки. Проблема исследования речевого воздействия является актуальным во многих областях знаний. Главный вопрос о содержании и объеме понятия «речевое воздействие» в настоящее время нельзя признать до конца разрешенным. Еще в Древней Греции и Риме процветала риторика, которая учила эффективно публичному выступлению, умению вести спор и одерживать в споре победу. Древняя риторика была основана преимущественно на логике, правилах логического рассуждения и убеждения. В средние века риторика практически умерла как наука и возродилась в двадцатом веке уже на новой, психологической основе – современному человеку уже важна не только и не столько логика, сколько психологические, эмоциональные приемы убеждения.

Риторика входила в список «семи основных искусств», которыми обязан был владеть свободный человек. Еще в XVIII в. именно риторике, а не математику считали «царицей наук». Долгое время в риторических терминах велись рассуждения об искусстве. Например, современники называли И. С. Баха величайшим оратором в музыке, так как его органные произведения строились по риторическим канонам, а уже в XX в. С. М. Эйзенштейн ввел риторике в программу обучения кинорежиссеров, чтобы они постигли тайну воздействия на массовую аудиторию, были бы способны вызывать разнообразные чувства зрителей: гнев, радость, восторг, любовь, ненависть.

⁴⁵ И.А.Стернин. Основы речевого воздействия. Учебное издание. – Воронеж: «Истоки», 2012.- 178 с.

Современные исследователи трактуют понятие «Риторика» по – разному:

«Филологическая дисциплина, изучающая отношение мысли к слову» (*Ю. В. Рождественский*);

«Наука о законах управления мыслеречевой деятельностью» (*Е. А. Юнина*);

«Наука о публичном речевом воздействии» (*И. А. Стернин*);

«Наука убеждать» (*А. П. Чудинов*).

Современная риторика носит междисциплинарный характер. Даже утвердилось такое понятие как неориторика. Ближайшее окружение неориторики составляют логика, философия, герменевтика, поэтика, лингвистика и, прежде всего, лингвистика текста. Можно сказать, что неориторика - это наука оправилах убедительной коммуникации. Как наука об искусстве правильной речи с целью убеждения она предполагает выявление особых механизмов современного воздействия. В отличие от лингвистики риторика имеет дело только с речью, а не с языком.

Среди множества определений обращает на себя внимание определение риторики профессора Ричардса как изучение случаев неверного понимания и его последствий.⁴⁶ Такое определение ставит вопрос об ошибочности коммуникации. Новая риторика, по его мнению, стала наукой о понимании и непонимании, в то время как прежняя, классическая риторика была порождением спора⁴⁷.

Речевое воздействие традиционно трактуется в широком и узком смыслах. Так, Е. Ф. Тарасов отождествляет речевое воздействие в широком смысле с речевым общением в целом. Таким образом, речевое воздействие в широком смысле – это любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности. В любом речевом общении

⁴⁶ L.A. Richards 1965.. A study of misunderstanding and its remedies, 1965 С.. 3

⁴⁷ Там же, С. 23.

коммуниканты пытаются достичь определенных неречевых целей, которые в итоге ведут к регуляции деятельности собеседника.

По рассуждению Е. Ф. Тарасова, быть субъектом РВ (речевого воздействия) — это значит регулировать деятельность своего собеседника, так как при помощи речи мы побуждаем другого человека начать, изменить, закончить какую-либо деятельность или создаем у него готовность к совершению той или иной деятельности, когда возникает в этом необходимость.

И. А. Стернин определяет речевое воздействие в контрасте с манипулированием. «РВ есть воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять точку зрения другого человека, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т. д. Манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т. д. бессознательно или вопреки его собственному мнению, намерению».⁴⁸ По Стернину, основными целями субъекта речевого воздействия являются: фатические – установление, возобновление, поддержание, развитие, сохранение контакта; предметные – получение или дача чего-либо; информационные – сообщение или получение информации.

Как рассуждает Стернин, «критериями верности выбора языковых средств являются эффективность и результативность воздействия. При этом основные аспекты эффективности РВ – достижение поставленной цели (или целей) и сохранение баланса отношений с собеседником (коммуникативное равновесие), избежание ссоры. Например, если не достигнута информационная цель (вас не поняли), то эффективность речевого воздействия всегда равна нулю. Если не достигнута коммуникативная цель (отношения не сохранены, нарушены, собеседник обиделся), то воздействие также неэффективно, поскольку сохранение коммуникативного равновесия

⁴⁸ Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Полиграф, 2001.С.23

– одно из условий эффективности речевого воздействия.

Недостижение предметной цели свидетельствует о безрезультатности речевого воздействия, но не всегда о его неэффективности (если коммуникативное равновесие сохранено). Если достигнуты предметная и информационная цели, но не достигнута коммуникативная, тогда речевое воздействие будет результативным (есть результат), но неэффективным (так как важнейшее правило речевого общения – коммуникативное равновесие – не соблюдено). В случае если собеседники ставят перед собой чисто коммуникативные цели – поддержать отношения (светская беседа, фатический диалог), и при этом соблюдают принятые в обществе каноны светского общения, то такое общение (при отсутствии нарушений) всегда оказывается эффективным, так как в этом случае предметная цель совпадает с коммуникативной (поддержать отношения).»⁴⁹

Указанные И. А. Стерниным цели, с нашей точки зрения, отражают общие цели речевого общения. Если же говорить о речевом воздействии в узком смысле, то основные цели воздействия в нем – предметные, внутри которых выделяется та или иная специфическая цель (изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройка его смыслового конструкта, влияние на его поведение, изменение его психического состояния и т.д.). Кроме того, в РВ в узком смысле выражены промежуточные задачи: эмоционально-установочные – воздействие на эмоции и формирование установок; эйдетико-когитивные – введение, закрепление и стереотипизация определенных образов и мыслей (эйдетико-когитивных структур); негоциативные – преодоление бессознательного сопротивления объекта воздействия. Повторимся, что все цели речевого воздействия в узком смысле следует рассматривать как подвиды предметных целей.

Вслед за И. А. Стерниным, мы предлагаем понимать под речевым воздействием однонаправленное влияние на знания, намерения и установки

⁴⁹ Там же, С. 46

«слушающего/читающего» с целью внесения выгодных для «говорящего» изменений, при котором задействованы как вербальные, так и невербальные средства. В данном вопросе мы опираемся на мнение многих исследователей проблем речевого воздействия об однонаправленности речевого воздействия, в котором партнер по речевому общению выполняет пассивную функцию, является объектом, воспринимающим воздействие со стороны.

Возможно, достаточно точное понимание лояльности речевого воздействия дает концепция В. Сергеечевой, которая связывает речевое воздействие с воспитанием потребностей. По мнению Сергеечевой, «суть речевого воздействия – в формировании и коррекции потребностей, личностных установок и самостоятельной активности человека; при этом коррективным будет делать это ненавязчиво, с ухищрениями, основанными на знании психологии, а воздействовать на потребности, мотивации (совокупность побуждений), установки личности следует, *не затрагивая ценностей высшего порядка*. При этом выделяются два направления воспитания потребностей и соответствующих этой цели способов РВ: «снизу вверх» – через создание и изменение внешних условий для перестройки личности; «сверху вниз» – когда побуждение передается человеку в готовом виде». ⁵⁰

С понятием речевого воздействия связана и манипуляция. Однако важным фактором в науке о речевом воздействии является разграничение понятий речевого воздействия и манипулирования. Если речевое *воздействие* - это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его в правильности нашей точки зрения, осознанно принять решение о каком-либо действии, передаче информации, то *манипулирование* - это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение, зачастую, неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению.

⁵⁰ Сергеечева В. Азы общения: стратегия и тактика М.2002 С. 14.

Современный человек должен обладать подобными навыками, поскольку находится в различных коммуникативных ситуациях, где и проявляется большая необходимость, как в речевом воздействии, так и в манипуляции.

В спорах нередко одерживает победу не тот, на чьей стороне истина, а тот, кто умеет быстро и точно анализировать речь оппонента, быстро реагировать на неё и продуктивно организовывать свою речь. Как говорил А. Шопенгауэр: «...всякий человек уже от природы желает всегда быть правым...»⁵¹ Тут уместно вспомнить знаменитый афоризм Б.Паскаля: «Обыкновенно мы лучше убеждаемся причинами, которые приискали сами, чем теми, которые пришли на ум другим...»⁵²

2.2. Речевая стратегия

В каждой ситуации общения используется своя стратегия. Современные исследования дают следующее определения этому понятию.

Итак, под стратегией понимается:

1. Тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальной коммуникативных целей;⁵³
2. Результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией,⁵⁴

О. С. Иссерс рассматривает речевые стратегии как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего⁵⁵. Опираясь на перечисленные определения стратегий, мы предлагаем понимать под речевой стратегией планирование и реализацию основных задач речевого воздействия в нужном для говорящего направлении.

⁵¹ Шопенгауэр А. Эристика, или искусство побеждать в спорах. Filosof.historic.ru (дата последнего обращения 23.04.2015)

⁵² Паскаль Б. Мысли. – М.: «REFL-BOOK», 1994. С. 327

⁵³ Романов, А. А. Системный анализ регул. лятивных средств диалогического общения. М., 1988.С.32

⁵⁴ Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика. М., 2005.С.22

⁵⁵ Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стер. М. : КомКнига, 2006. С.24

Вообще речевые стратегии составляют богатый арсенал инструментов манипуляций человеческим сознанием или даже подсознанием.

Среди стратегий наиболее распространены следующие:

- 1) Трюизмы, т. е. банальные истины. Здесь обычно идет стереотипизация, употребление общих фраз или пословиц типа «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке» и т.д.
- 2) Речевое связывание, или псевдологика. Наиболее популярная стратегия рекламного бизнеса, когда высказывание приобретает иллюзию смысла. Зачастую, такое высказывание делится на несколько простых не связанных между собой изречений.
- 3) Визуальное связывание. Такая стратегия отличается более мощной силой воздействия, так как к высказываниям просто привязывается визуальный аспект, обычно не имеющий отношения к высказываниям, а работающий на высказывание только временно (до достижения цели).
- 4) Номинализации. Стратегия, которая попросту лезет в «карман». Обычно, рассчитана на обретение популярности или недостающего внимания. Например, «Мы обеспечим благополучную жизнь – голосуйте за нас!»

Софизмы. К ним относятся:

I. Материальные ловушки

- 1) Софизмы постулирования и аргументирования
 - a) выдвижение тезиса в форме plurimum interrogationum
 - b) неправомерное обобщение в тезисе
 - c) подмена тезиса (ignoratio elenchi)
 - d) ложная аналогия;
 - e) secundum quid – ловушка «особого обстоятельства»
 - f) «от собирательного смысла к смыслу разделительному» (fallacia a sensu composite ad sensum divisum)
 - g) petitio principii - аргумент, основанный на выводе из положения, которое само по себе ещё требует доказательства
 - h) non sequitur – отсутствие логической связи между посылкой и

ВЫВОДОМ

i) аргументация по кругу

j) аргументация ложной причины

k) *post hoc ergo propter hoc*

l) аргументация *ad ignorantiam*

m) *ad verecundiam*

n) апелляция к авторитету

2) Софизмы оспаривания

a) *reductio ad absurdum*

b) «троянский конь»

c) «бумеранг» – тезис или аргумент, высказанный одним из партнеров, обращается против него же (часто касается обвинений);

d) «лингвистическая косметика» – перефразирование и резюмирование

II. Вербальные ловушки

a) амбивалентность

b) имплицитность

III. Формальные ловушки (ошибки в построении силлогизмов и полисиллогизмов)

IV. Софизмы *ad hominem* (применяются и при постулировании, и при оспаривании)

1) Агональная (конфликто-провоцирующая) стратегия

1. Направленность на коммуникативный дисбаланс (нарушение правил мены ролей собеседников)

a) перебивание и многовопросье

b) игнорирование личности и аргументации оппонента

c) «забалтывание» или перекрикивание

d) «троллинг» - уход от темы, переводение разговора на другую тему

е) «флейм» - провокационные высказывания, не имеющие
2. Отношения к первоначальной причине спора, и ряд других
направленность на девальвацию личности собеседника и его
аргументов

а) переход на личность

б) компрометация, разоблачение оппонента, «чтение мыслей
на подозрение»

с) аналогия оппонента с часто критикуемыми лицами

д) девальвация аргументации оппонента суждениями типа
«это банально» и т.п.

е) постулирование проблематичности и утопичности,
связанных с заявлением оппонента

ф) сведение факта к личному мнению

г) демонстрация обиды, страдания, ущерба, претерпеваемых
по вине оппонента

h) «обезличенная номинация» оппонента

і) ирония и сарказм

ј) ребячливость, фамильярность, снижение стиля

к) «рабулистика»

3. Направленность на негативную центрацию концепта (на
изменение его оценки с помощью помещения в негативные
контексты)

iv.направленность на актуализацию негативной эмоции, запуск
негативных доминантных (эмоциональных) сценариев,
связанных с объектом или концептом

а) актуализация эмоции унижения

б) актуализация эмоции опасности

с) актуализация боязни ограничения

д) актуализация возмущения присвоением ресурса

е) актуализация возмущения обманом

v. ad baculum.

2) Гармонизирующая стратегия

- a) подчеркнутое уважение или псевдоуважение
- b) сближение социальных и межличностных ролей
- c) заискивание, лестные обороты речи
- d) комплимент (часто в сочетании с уступительными придаточными)

3) Стратегия призыва к народу (ad populum)

- a) тактика позитивной репрезентации и саморепрезентации
- b) уподобление «своему кругу» коммуникантов в базовой семиотической оппозиции «свой – чужой»
- c) игра на популярных идеях и стереотипах
- d) ложная самокритика
- e) подмена поиска истины выражением эмоционального отношения к предмету обсуждения;
- f) тактика обособления от объектов критики, демонстрация исключительности
- g) призыв к сочувствию, состраданию (ad misericordiam)
- h) привлечение поддержки группы, апелляция к вышестоящей инстанции и ряд других.

Речевые стратегии намечают общее развитие диалога, которое полностью выявляется только в заключительных репликах, потому что, напоминая, правил «управления» разговором нет, и любой параметр прагматических характеристик речевого общения может оказать существенное влияние на результат диалога. Кроме того, выбранные рамки стилистики общения диктуют «сюжетные повороты» разговора и способы выражения. Образное выражение семиолога Р. Барта: «...в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому — стереотип: я способен

заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что рассеяно в самом языке».⁵⁶

2.3 *Речевые тактики*

Все речевые стратегии проявляют себя в тактиках.

Тактика представляет собой речевой прием, позволяющий достичь поставленных целей в конкретной ситуации.⁵⁷

В ситуациях бытового общения действуют одни речевые тактики, в деловой сфере - другие. Причем речевые тактики разных уровней общения могут, с определенной коррекцией, взаимопроникать. При речевом воздействии на различные социальные группы населения следует также выбирать соответствующие речевые тактики, имея в виду при этом, что ни одна из тех или иных тактик и является универсальной и эффективной во всех случаях жизни.

Речевые тактики выполняют функцию способов осуществления стратегии речи: они формируют части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки разговора (оценки, мнения, досаду, радость и т. п.). Так, например, в стратегии отказа в выполнении просьбы может быть тактика: а) выдать себя за некомпетентного человека (не способного к выполнению этой просьбы); б) сослаться на невозможность выполнения просьбы в данное время (на занятость); в) иронии; г) отказа без мотивировки; д) уклониться от ответа, не обещать ничего определенного; е) дать ясно понять, что не желает выполнять просьбу. Все эти тактики основаны на некооперативной стратегии речевого поведения участника общения. Вне зависимости от выбранных способов выражения согласие достигнуто не будет, инициатора общения ждет коммуникативная неудача.

⁵⁶ Р.Барт Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.С. 35

⁵⁷ Остин, Д. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин ; пер. с англ. А. А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Б. Ю.

Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С.22

Особого рода речевые тактики нужны для установления контакта между говорящими (фатическое общение). Они основаны на кооперативных стратегиях и используют большой диапазон тактик для поддержания коммуникативной заинтересованности собеседников, активизации внимания и пробуждения интереса к теме разговора и участникам общения. При этом создается атмосфера разговора, где каждое высказывание имеет особый обертон смысла, часто используются слова-символы и клишированные конструкции.

Так, например, в полилоге фатического общения с ненаправленными стратегиями (неопределенными стратегиями) может использоваться тактика привлечения внимания к себе (ср. речевой прием введения, такой тактики «А я...», «А у нас...»; детское стихотворение С. Михалкова «А у нас в квартире газ. А у вас?...»; например, в разговоре о способах приготовления дрожжевого теста между случайными собеседниками-попутчиками в электричке: «А я обычно кислое тесто ставлю так...». В таких репликах содержится и заявка на коммуникативное лидерство.

В спонтанно возникающих беседах, имеющих только конативные цели (установление речевого контакта), часто повторяются одни и те же тактики, например, предложение общеинтересной темы (мода, политика, воспитание детей, погода и т. п.), тактика привлечения внимания и вовлечения в разговор многих собеседников, тактика эпатирования собеседников через отрицание привычных схем поведения или отрицание ценностных ориентиров в данном микросоциуме, направленная на укрепление, роли лидера.

Тактики осуществления определенной стратегии речи несут на себе печать национальной психологии. Это убедительно показано Е. М. Верещагиным, Р. Ратмайром, Т. Ройтером на примере анализа речевых тактик «призыва к откровенности». Так, в русской культуре преобладают прямые призывы к откровенности без разного рода частиц, смягчающих эти призывы. Кроме того, ссылка на нравственные нормы, апелляции к высшему

нравственному императиву (к божеству, идеологическим ценностям) характерны для русской культуры.

Например, реплики, реализующие эту тактику: Где же твоя совесть?; С друзьями надо быть откровенным; Если ты мне не доверяешь, то лучше и не говорить вовсе; Разве это честно? А еще считаешь себя порядочным человеком!

В направленных диалогах, информативной стратегии или стратегии побуждения к действию, обмена мнениями по ряду вопросов с целью принятия решений широко используются тактики неявного выражения смысла, неявного способа информирования, неожиданной смены темы.

Использование речевых тактик в диалогическом общении усложнено тем, что ход диалога не может быть запланирован заранее во всех деталях, как это возможно при подготовке к монологической речи, потому что неизвестно речевое поведение собеседника на той или иной стадии развития беседы.

Существует и тактика юмора. Она одна из самых древних тактик. Изобрел ее Сократ.

Вот как он доказывает некоему Другу, что такое справедливость:

Сократ. Послушай же: ведь у меня, так же как и у всех людей, есть правый и левый глаз?

Друг. Да.

Сократ. И правая и левая ноздря?

Друг. Несомненно.

Сократ. Значит, когда, говоря об одном и том же, ты одно у меня называешь правым, а другое - левым, то на мой вопрос, что именно ты так называешь, ты ведь можешь ответить: правое - то, что находится справа, а левое - слева?

Друг. Да, могу.

На этом тактика логически завершена: Сократ убедил друга в том, что если люди одинаково определяют одно и то же, то так оно и есть на самом деле.

Но это только промежуточный вывод, подготовка к достижению цели диалога. И цели Сократ добивается также этой тактикой.

Сократ. Далее, значит, и когда ты одно и то же именуешь то справедливым, то несправедливым, ты можешь ответить, что именно справедливо, а что - нет?

Друг. Итак, мне мнится, что справедливо все, делающееся должным образом и вовремя, то же, что не делается должным образом, несправедливо.

Сократ. Мнение твое превосходно. Значит, делающий все эти вещи должным образом и в должное время поступает справедливо, а тот, кто не делает этого должным образом, - несправедливо?

Друг. Да.

Сократ. Значит, справедлив тот, кто поступает справедливо, а несправедлив поступающий наоборот?

Друг. Это так.⁵⁸

Еще одним немаловажным приемом считается молчание. Молчание может быть эквивалентом реплики-утверждения, обещания, просьбы, согласия, ожидания, запинки, оценки.

Демонстративное молчание может иметь аффективную природу и преследовать цель прекратить разговор. «Многозначительное» молчание может выражать тактику определения ролей в разговоре или социально-ролевых отношений. Функция молчания в структуре диалога очевидна из речевой ситуации. Молчанием можно вывести оппонента из себя и перехватить тем самым инициативу в диалоге. Референт может использовать тактику молчания и на деловых переговорах. Замечательное явление — фоновое молчание, согласия, которое выражает атмосферу солидарности в общении и согласия между собеседниками. «Когда люди сочувственно

⁵⁸ Жебелев С.А. Сократ: биографический очерк/ С.А. Жебелев. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.С. 20

встречаются в исчезающих оттенках, они могут молчать о многом и очевидно, что они согласны в ярких цветах и густых тенях».⁵⁹

Успех коммуникативного взаимодействия — это всегда осуществление речевого, замысла говорящего и убеждение слушателя, а также его нужная эмоциональная реакция.

В качестве языковых средств убеждения выступают языковые единицы всех уровней языка, например, особо выделенные конструкции: «Всем селом старались, чтоб дети пошли учиться первого сентября. В новую школу».

Аргументативную природу имеют все сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения. Однако форма предложения может «эксплуатироваться» в тенденциозных по содержанию высказываниях, например: «Я буду продолжать ставить машину под окна, потому что я так привык».

Синтаксический тип предложения затушевывает отсутствие аргумента у главной части предложения.

При убеждении корректным считается введение тезиса с использованием так называемых глаголов мнения. Пропуск или сознательное неиспользование этих глаголов делает предложение, истинность которого нуждается в доказательстве, бесспорным и, следовательно, соответствующим истине, поскольку факт умолчания воспринимается как отсутствие сомнений; например:

«Я считаю, он должен пойти туда и Он должен пойти туда». Высказывание из утверждения превращается в категорическое заявление, требование, приказ. Средством убеждения может быть игра лексической многозначностью. Так, например, прилагательное *настоящий* может быть использовано как «неверифицируемый коммуникативный прием»: «Это слово — *настоящий* — часто в коммуникации закрепляется за абстрактными родовыми понятиями вроде человек, мужчина, женщина, ребенок и постепенно становится... неким

⁵⁹ Герцен А.И. Былое и думы. Lib.ru /LITRA/ (дата последнего обращения 12.03.2015)

средством семантики убеждения, аналогичным универсальным высказываниям...

В завершении стоит привести слова Карнеги, с которыми нельзя не согласиться: «Всегда есть причина, почему другой человек думает и поступает именно так, а не иначе. Выявите эту скрытую причину, и у вас будет ключ к его действиям, а возможно, и его личности».⁶⁰

2.4. Демагогия как средство речевого воздействия.

Непосредственно с механизмом речевого воздействия тесно связано такое понятие как демагогия.

Обратим внимание на толкование этого слова в различных словарях:

Демагогия – 1. Обман лживыми обещаниями, лестью и преднамеренным извращением фактов для достижения каких-либо целей.

2. разг. Беспольные высокопарные рассуждения, основанные на одностороннем осмыслении, истолковании чего-либо или прикрывающие какие-либо корыстные цели. (значение слова демагогия по Ефремовой)

Демагогия – основанное на намеренном извращении фактов воздействие на чувства, инстинкты малосознательной части масс. (значение слова демагогия по Ожегову).

Анализируя данные словарей можно сделать вывод: демагогия - это способ ведения дискуссии, имеющая только одну цель – достижение победы, путем использования не совсем корректных приемов ведения дискуссии.

С демагогией сталкивается каждый из нас, она окружает нас всюду.

Примеры демагогии встречаются на улице в разговорно-обиходной речи людей, на телевидении, в газетах, журналах, по радио, в песнях, фильмах.

Слово демагогия древнегреческого происхождения и дословно переводится как «руководство народом, заискивание у народа».⁶¹

⁶⁰ Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить. - М.,1989. С.64

⁶¹ www.wikipedia.ru (дата последнего обращения 26.02.2015)

Проблема демагогии издавна интересовала общественность, а большую популярность это понятие приобрело с появлением в Европе целого ряда психологических пособий типа «Как стать богатым», «Как стать богатым за 40 дней», «Техника исполнения желаний», «Подсознание может все» многие другие. Целью демагогии может быть все что угодно, кроме самой истины. Причем, цель эта достигается всевозможными уловками, запугиванием, игнорированием.

«Демагог...не просвещает тех, кому говорит, а запутывает, отводит глаза и наводит на ложный след. Он обращается не к разуму народа и не к доброй воле его, а к темному чувству и корыстной страсти. Лишенный чувства ответственности, он не выясняет истинное положение дел и не объясняет его, а искажает так, как это ему нужно. Он не доказывает, а прельщает или пугает; он старается разбудить в душах чувство подозрения, обострить недоверие, вызвать непримиримую жадность и ненависть»⁶²

В своей статье Нестеренко Ю. Л. «Классификация демагогических приемов с примерами и советами по противодействию» делит демагогические стратегии на 3 класса: 1) опровержение аргументации; 2) игнорирование аргументации; 3) дискредитация аргументации.⁶³

2.5 Лингвистические методики исследования речевого воздействия

В лингвистике разработано несколько методик исследования речевого воздействия. Избираемые методики во многом определяются научной методологией, на которую опирается исследователь.

Не меньшее значение для выбора методики имеет форма исследуемой речи – устная либо письменная – и стиль текста.

Примерно, вплоть до середины 1980-х гг. исследования средств речевого воздействия в основном проводились в традициях структурной

⁶² Ильин И.А. Демагогия и провокация. М.: «Просвещение», 1917.С. 12

⁶³ Нестеренко Ю. Л. Классификация демагогических приемов с примерами и советами по противодействию. М.: 2006. С.2

лингвистики, зачастую без учета социокультурных, этнолингвистических, психологических и других факторов, заложенных в «воздейственном» тексте или действующих в ситуации его предъявления.

Классификации лингвистических средств воздействия положил начало Б. Ф. Поршнев, который определил следующие «этажи» языкового воздействия: 1) фонологический, 2) номинативный, 3) семантический, 4) синтаксическо-логический, 5) контекстуально-смысловой, 6) формально-символический ⁶⁴.

С 1980-х гг. наметилась тенденция рассматривать речевое воздействие в устной и письменной коммуникации (в последнем случае – в основном в «малых жанрах» публицистического и газетного стилей – рекламе, листовках, лозунгах и т. д.) в коммуникативно-прагматической и когнитивной парадигмах. Такие черты устных и малых жанров письменных текстов, как: диалогичность, краткость (некоторые из них эквивалентны единому речевому акту), привязанность к экстралингвистической (знаковой) ситуации, психологических и социальных ролей собеседников, стереотипность – делают их благодатным материалом для изучения в рамках теорий речевых актов, дискурса и когнитивной семантики (например, Федорова Л. Л. 1991, Котов А. А. 2003, Баранов А.Н. 1991, 2003, 2004, Иссерс О. С. 2003, Желтухина М. Р. 2003). Стереотипность (категориальное сходство) также позволяет изучать их в качестве концептуальных структур, сопоставимых с прототипом, в рамках говорящих на том или ином языке, не зависят от пола, возраста, образования, профессии и других дифференцирующих факторов. «Кто бы ни был мой партнер в социальном отношении, коль скоро я признаю его “говорящим по-русски”, я могу рассчитывать на то, что огромная часть моего образного мира способна вызывать адекватный резонанс в образном мире этого говорящего. Мир языковых образов является индивидуальным

⁶⁴ Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории : проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнев. – М. : Мысль, 1974. – 487 с.

достоянием каждого говорящего, возникающим из духовных ресурсов его личности; однако пути, по которым складывается этот мир, не произвольны: они направляются языковым опытом, очертания которого, именно в силе коллективности этого опыта, имеют огромные сферы соприкосновения в языковой памяти говорящих на одном языке»⁶⁵

Заметим, что эти подходы являются по-своему частными – они не дают системного анализа речевого воздействия, но только рассматривают его отдельные аспекты.

Фреймовый подход к анализу речевого воздействия метафоры

Осуществляется А.Н.Барановым. Фрейм определяется как когнитивная структура, основанная на вероятностном знании человека о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов; фрейм организован вокруг какого-либо концепта в виде пучков ассоциаций, которые несут существенную, типическую и потенциальную информацию, связанную с данным концептом, и состоит из вершины – темы, родового концепта, и слотов или терминалов, заполняемых концептами-ассоциатами.⁶⁶

А. Н. Баранов описывает процесс метафоризации в аспекте процедур с фреймами, такими как: замена содержания традиционного слота или подслота конкретными данными той или иной ситуации, перенесение содержания из одного фрейма в другой, введение нового слота во фрейм, уничтожение содержания подслота или всего слота в целом, свертывание фрейма к одному или нескольким слотам или подслотам.

Метафора представляет собой структурированный концептуальный феномен, чей сигнификат соответствует признакам сферы-источника «метафорической модели», например, *родственных отношений, персонификации, механизма, организма, пути, пространства и движения, погоды, фауны, растения-*

⁶⁵ Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ : лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с

⁶⁶ Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации : (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / Баранов Анатолий Николаевич ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : [б. и.], 1990. – 48 с.

дерева, медицины, религии, театра, игры и др.), а денотат – объему понятия, которое характеризуется с помощью этой модели (например, разнообразные политические реалии). В указанных работах также обсуждаются понятия денотативного разнообразия и денотативной

стабильности как дескрипторные характеристики концептуальных метафор; выделяются такие типы метафор, как фигурные и фоновые. Отмечается, что метафорические выражения должны быть достаточно типичными, в противном случае, то есть в случае несоответствия сигнификатов метафор обычным речевым практикам, эти метафоры могут восприниматься как коммуникативная неудача. С другой стороны, с точки зрения А. Н. Баранова, необычные сочетания метафорических моделей, «стилистические кунштштюки», могут являться своеобразным средством осмысления кризисной ситуации и построения альтернатив для решения проблем.⁶⁷

В отношении речевого воздействия эта теория оказывается полезной в нескольких аспектах. Во-первых, она показывает, как метафорическое переосмысление высвечивает те или иные характеристики объектов действительности, моделирует их, прогнозирует их развитие и направляет деятельность, связанную с ними. Во-вторых, она позволяет выявить типичные «конstellации метафорических моделей» того или иного дискурса, используемые для оформления речевых актов. Наконец, она важна для исследования концептосфер, так как позволяет регистрировать типичные денотаты той или иной метафорической модели, то есть выявлять конкретно-понятийное наполнение абстрактного концепта.

В исследованиях А.А.Котова развивается теория доминантных (эмоциональных) и рациональных сценариев – отношений, связывающих

⁶⁷ Баранов, А. Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации : сб. обзоров / ред.-сост. Н. А. Безменова, Л. Г. Лузина. – М. : ИНИОН, 1986.

начальную признаковую модель некой значимой единицы и вызываемую ею эмоциональную и рациональную реакцию реципиента (результат воздействия).⁶⁸

Теория А. А. Котова основана, в частности, на концепциях М. Минского (понятие «протоспециалиста»), Л. У. Барсалу, С. А. Сломана, модели представления идеологической концепции Р. П. Абельсона, модели Н. Дж. Нильсона и ряде других. Д-сценарии (доминантные сценарии) структурно похожи на р-сценарии (рациональные сценарии), но если р-сценарий при обнаружении некоторого компонента смысла (посылки) строит логический смысл (результат вывода), то д-сценарии при обнаружении смысла (описываемого как начальная модель д-сценария) запускают соответствующие эмоциональные и поведенческие реакции. Д-сценарии конкурируют с р-сценариями (рациональными выводами) при анализе поступающих текстов и перехватывают управление в тех случаях, когда (а) смысл текста наиболее близок к начальной модели д-сценария, (б) когда к активизации д-сценариев существует предрасположенность (адресат находится в эмоциональном состоянии) или (в) когда ситуация не может быть быстро оценена механизмами рациональной обработки информации. Дается подробная классификация негативных доминантных сценариев (опасность, ограничение, присвоение ресурса, обман и др.). Методология определения д-сценариев А. А. Котова опирается на четыре выделенных им механизма речевого воздействия в СМИ посредством речевой агрессии. В первую группу выделены модификации признаковых моделей в результате операций с какими-либо компонентами знаков или единиц поверхностных уровней лингвистической модели. Описываются приёмы воздействия, основанные на различных механизмах номинации, замене референтов, интенционалов, смещении лексического

⁶⁸ Котов, А. А. Описание речевого воздействия в лингвистической модели [Электронный ресурс] / А. А. Котов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. «Диалог 2003». – М. : [б. и.], 2003. – Режим доступа: <http://www.harpia.ru/theory.html>

значения, замене знаков на омонимичные или на изменении денотативного статуса. Во второй группе рассматривается конструирование и изменение признаковых моделей с помощью выводов и ситуативных эффектов. Для их описания используется введенный в работе аппарат р-сценариев.

В третьей группе анализируется использование для речевого воздействия персональных и наивных сценариев (сценариев, включающих наивные модели).

Рассматривается модификация представления о контргруппе под действием референции к планам контргруппы, указание в тексте поведенческих и коммуникативных целей как фактор воздействия. С помощью наивных сценариев и моделей описываются ироничные суждения о контргруппе. В четвертой группе анализируются механизмы воздействия, использующие различные свойства коммуникации, а именно: факторы прагматики, компоненты коммуникации, модели коммуникантов, смена коммуникативных ролей. Рассматриваются примеры речевого воздействия, основанные на цитировании и использующие механизмы атрибуции высказываний.

С нашей точки зрения, теория доминантных сценариев А. А. Котова и его классификация механизмов РВ в принципе могут быть также применены при рассмотрении речевого воздействия в более объемных и когнитивно сложных текстах, например, психологических и психотерапевтических, однако эта теория слишком формализована и удалена от традиционного понимания речевого воздействия.

О. С. Иссерс рассматривает речевое воздействие с точки зрения когнитивных категорий и прототипов. Постулируемые исследователем «персуазивные категории» формируются на основе пересечения некоторого числа характерных «свойств – признаков»; при этом прототипом является единица, проявляющая эти свойства в наибольшей степени. Использование понятия прототипа позволяет проследивать процесс формирования персуазивных категорий «от простого

к сложному», от типичных случаев – через усложнения – к маргинальным. Если рассматривать концептуальные зависимости в пределах определенной категории как узлы семантической сети, то речевое воздействие можно определить как *операции над семантическими сетями (разрыв ассоциативных связей и установление новых)*.⁶⁹

Операции над семантическими зависимостями выстроены по принципу «отдаления» от прототипа: отождествление представляет собой наиболее стандартный, эталонный способ (он быстрее опознается, чаще употребляется, ускоряет решение разнообразных задач, связанных с идентификацией), а сближение по нетипичным признакам – в какой-то степени аномальный, парадоксальный.

Анализируя репрезентацию категории «свой круг» (с прототипами «свой – чужой»), О. С. Иссерс иллюстрирует операции (процедуры) РВ на конкретных примерах из прессы. Установление новых ассоциаций – это идентификация (отождествление, «А есть В»); атрибуция (сближение по свойствам, «А имеет, обладает В»); стереотипизация – сближение по типичному (-ым) признаку (-ам), «А имеет отношение к В») и номинация по нетипичному признаку (навешивание ярлыков, использование парафразов (сближение по нетипичному (-ым) признаку (-ам), «А имеет отношение к В, хотя это и не очевидно»). Разрыв ассоциативных зависимостей осуществляется по моделям: 1) «А не есть В»; 2) «А не имеет В»; 3) «А не имеет отношения к В»; 4) «А имеет лишь частичное (некоторое) отношение к В» – то есть здесь имеют место процессы, по своей цели противоположные отождествлению, атрибуции, стереотипизации и навешиванию ярлыков.

М. Р. Желтухина приводит типологию тропологических (главным образом, метафорических) когнитивных моделей воздействия на адресата в масс-медиальном дискурсе в рамках одного или нескольких

⁶⁹ Иссерс, О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс // Вестн. Омск. ун-та. – 1999. – Вып. 1. – С. 74–79.

фреймов (тропологические модели также именуется «фреймовыми трансформациями» или «типами рефрейминга»)⁷⁰.

При этом тропы понимаются М. Р. Желтухиной предельно широко – как взаимодействие лингвистических и экстралингвистических компонентов фрейма – и включают метафору, метонимию, парафраз, гиперболу, мейозис, каламбур, параномазию, оксюморон и ряд других. По мнению автора типологии, объектом воздействия рефрейминга является преимущественно подсознание, поэтому тропологический рефрейминг описывается как один из механизмов суггестии. Часть приведенных ею когнитивных операций, однако, скорее описывает убеждение, отражает характер аргументирования, логических умозаключений и направлена на рациональное мышление. То, что когнитивные операции могут не осознаваться непосредственно в момент РВ, связано с недостаточностью времени на их осознание, однако, при успешном убеждении, реципиент сам впоследствии может использовать эти операции для доказательства соответствующего тезиса. Обобщая положения вышеуказанных теорий, а также исходя из анализа собственного корпуса речевоздейственных высказываний, можно прийти к нижеследующей типологии ментальных операций и процедур, производимых при речевом воздействии.

Моделирование в пределах одного фрейма. Сюда входят экстра- и интрафреймовые операции.

Экстрафреймовые операции как когнитивный прием, изменяющий континуальные параметры фрейма, играют особую роль в психотерапевтическом дискурсе. Они отражают следующую психологическую закономерность: переживание может охватывать человека целиком во фрейме, предполагающем определенный промежуток времени, пространственную перспективу и ракурс видения события, однако

⁷⁰ Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2004. – 44 с. – Библиогр.: с. 40–44

если изменить (расширить или сузить) внешние рамки фрейма, то это переживание может показаться вполне банальным или малосущественным. Эти операции включают в себя следующие модели:

1) Изменение континуального аспекта фрейма за счет временного рефрейминга – расширения и сужения контекста, с использованием фраз типа *на фоне всей жизни, учитывая долговременные последствия, для будущих поколений, сто лет назад, на ближайшие годы, здесь и сейчас, живя сегодняшним днем и др.*

2) Изменение масштаба и перспективы фрейма за счет пространственного рефрейминга, с использованием фраз типа *если рассматривать ситуацию в масштабах всей страны (всего человечества), если сравнить Ваше положение со страданиями других людей (катастрофы, войны и т. п.), если сопоставить Ваши проблемы с проблемами типичной семьи и т. п.*

3) Изменение ракурса фрейма за счет учета точки зрения других людей или другого человека как способ увидеть и переосмыслить ситуацию, переживание или суждение с точки зрения другой модели мира, создание «иной ментальной карты этой ситуации». Достигается с помощью фраз типа *если посмотреть на ситуацию со стороны, с точки зрения стороннего наблюдателя, с точки зрения другого участника (других участников) ситуации, с позиции начальника, простого служащего, президента и т. п.*

В группу интрафреймовых операций входят следующие:

4) Изменение эмоционально-оценочной характеристики концепта за счет замены слота с какой-либо коннотацией, зачастую стереотипной, на слот с противоположным коннотативным полюсом. *Например, Эгоизм – это плохо, потому что от того, что человек считается только со своими интересами и не учитывает чужие, могут пострадать другие люди и общество заменяется на Эгоизм – это хорошо, потому что неограниченная реализация собственного интереса пойдет на благо*

раскрепощению творческой энергии индивидов.

5) Наложение слотов фрейма – внутрифреймовые («видовые») аналогии. Ср. наложение слотов фрейма «политик»: *Я – русский Клинтон. То же образование, те же манеры, тот же возраст (В. Жириновский).*

6) Свертывание фрейма к одному или нескольким слотам – синекдохи и некоторые виды метонимий. В основе смыслового сдвига лежит отношение «часть-целое» или «предмет-признак» (*Государство – это я; руководящий стакан, катастрошка*).

7) Дублирование или переkreщивание содержания сходных слотов – тавтологии, синонимические повторы, обеспечивающие комизм либо иронию, например, *Рубикон перейден до предела; средства массовой дезинформации рассказывают басни*.

2. Моделирование с использованием двух или нескольких фреймов

1) Ассоциация и диссоциация, когда один фрейм включается в другой в качестве слота (или слот исключается из фрейма, обособляясь в отдельный фрейм):

а) Идентификация и растождествление фреймов («А (не) есть В»), например *Мы с ним антиподы, Мы не рабы, рабы не мы*.

б) Отнесение к классу и исключение из класса («А (не) имеет отношение (-я) к В», «А (не) есть часть В»), например, «Яблоко» не является левой партией.

в) Атрибуция и отрицание атрибуции («А (не) обладает В»), например, *Сам персонаж является абсолютным раздражителем*.

2) Метафоризация – введение во фрейм слота, принадлежащего несовместимому с ним фрейму («А подобно В»), например, *Паровоз плана Маршалла потянул за собой в Европу инвестиции; Объединенная Европа в поисках идеологического цемента*.

3) Аналогия либо сравнение – («А подобно В в некоторых свойствах»), например, *Решая проблемы с помощью насилия, мы становимся похожими на зверей*.

4) Стереотипизация с помощью соотнесения объекта с прототипическими концептами («А имеет отношение к В», где В – прототипический концепт).

С этой целью часто используются антономазии или аллюзии: Робин Гуды трубят сбор

5) Метонимия («А есть причина (результат, инструмент, цель и т. п.) В»)

6) Ирония («А противоположно В»): Три четверти города занято зелеными друзьями.

4 Помимо стереотипизации на уровне имени собственного, в этом примере также наблюдается ирония на уровне высказывания.

5 Сюда входят, в частности, рациональные, критические и мечтательные метонимические модели, используемые в СМИ, психотерапии и проч.

6 Ирония основана на противоположности смыслов «три четверти города занято» и «друзьями».

Деревья выступают в качестве друзей человека и одновременно – своеобразных «оккупантов» города.

7) Оксюморон («А есть атрибут понятия, противоположного В»): зачатые друзья.

8) Каламбур («А есть атрибут как В, так и не связанного с ним понятия»): отстаивать точку зрения... когда она отстоялась...

9) Генерализация (chunking up) – рекатегоризация объекта путем перефразирования; определения понятия с помощью общих суждений, не отражающих его существенных свойств, либо индуктивная классификация нескольких объектов по их общим признакам в макрогруппы. Например, Непривлекательность - это отличие от нормы, выделение из обычной массы, повод для личностного развития.

10) Конкретизация (chunking down) – анализ компонентов категории, партикуляризация обобщений, благодаря которой происходит переключение внимания с категорий на конкретные признаки и свойства, например, трудноразрешимая проблема делится на ряд мелких и

разрешимых. Например, Он неспособен к обучению. – К чему именно? Восприятию, запечатлению, хранению, воспроизведению информации?

11) Проведение аналогий или «бокковое смещение» (chunking laterally) – поиск аналогий, сходных или связанных с использованными в исходном утверждении понятиями. Эта модель предполагает аналогическое или метафорическое переосмысление, дающее толчок к возникновению новых идей и перспектив в решении проблемы. Механизм этой модели заключается в метафорическом и аналогическом перефразировании, например, Неудача – попытка Колумба открыть торговый путь на восток, закончившаяся открытием Америки; Непривлекательный человек – птенец лебедя, «гадкий утенок»; Неспособность к обучению подобна сбою в компьютерной программе. Где происходят сбои? Виновата ли в этом конкретная строчка программы? Сама программа? Компьютер-посредник? Программист?⁷

12) Сцепление фреймов с помощью логического рассуждения и
7 Эта модель лежит в основе «сказкотерапии» (аллегорической терапии), активно используемой рядом направлений НЛП. Метафорическое фантазирование способствует нахождению реципиентом собственного решения благодаря ассоциированию аллегорических образов с конфликтами своей внутренней жизни и «рекалибровки существующего паттерна»⁷¹

Например, Расширение производства повышает безопасность руководителя предприятия. Почему? Совместная работа с разными людьми, сопровождающая его, дает ощущение безопасности, так как руководитель предприятия становится частью группы. Группа работает совместно, так что ответственность разделяется между разными ее участниками, что также способствует повышению безопасности каждого индивида и т. д.

⁷¹ Гордон, Дэвид. Терапевтические метафоры (оказание помощи другим посредством зеркала) : пер. с англ. / Дэвид Гордон. Ред. С. Горин. Канск : [б. и.], 1994. – 144 с.

13) Символизация, предполагающая такую контекстную актуализацию образа, при которой происходит «углубление» его семантики за счет индуцированного ассоциирования с символическими означаемыми, отвлеченными от конкретной семантики этого образа 8.

14) Интертекстуальные отсылки, обеспечивающие подключение знаний о других текстах к данному.

Что касается письменной коммуникации, а именно текстов крупных жанров художественного, научно-популярного, публицистического стилей, то речевое воздействие в них в большой степени подпадает под предмет изучения теории текста (а конкретно, теории текстовой ответственности), концентрирующейся на свойствах текстов как таковых. Предполагается, что речевое воздействие во многом зависит от конкретных качеств текстов.

Общие категории текста, влияющие на его убедительность – это, прежде всего его целостность, связность, а также информативность

(психолингвистические характеристики связности, цельности и информативности текста отмечают А. А. Леонтьев [Леонтьев А. А. 1979, 1999: 133–144] и Т. М. Дридзе [Дридзе Т. М. 1972, 1984]). Специальные категории текста, соотносящиеся с речевоздейственными свойствами письменных текстов – это имплицитность (включая импликации,

8 Например, такая символическая деталь, как туман, может реализовать концепты тайны,

предчувствия события или лжи, мистификации; концепты отчуждения и индивидуализма могут

воплощаться в образах стен, наушников, изолирующих от других людей, темных очков,

затемненных стекол машин и др. пресуппозиции, подтекст, затекст, сверттекст), модальность, персональность и диалогичность (взаимодействие образа автора и читателя, дискурсов повествователя, героев, разноречия), ассоциативное развертывание, интертекстуальность и ряд других (об этих категориях, в частности, в [Гальперин И. Р. 1981; Тураева З. Я. 1986;

Чаковская М. С. 1986; Молчанова Г. Г. 1987; Воробьева О. П. 1991; Валгина Н. С. 1998; Пирогова Ю. К. 2002; Болотнова Н. С. 2002; Шевченко Н. В. 2003]).

В числе психолингвистических методик прогнозируемой оценки речевого воздействия текстов широко распространены контент-анализ – количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей, а также принципиально схожие с ним методики выявления эмоционально-смысловых доминант художественных и поэтических текстов [Белянин В. П. 1999, Пищальникова В. А. 1999]. Методика интен-анализа, разработанная Т. Н. Ушаковой и Н. Д. Павловой [2000], позволяет выявить намерения отправителя текста, в связи с которыми осуществляются направленные к определенной цели речевые акты. В отношении определения актуального (а не прогнозируемого) речевого воздействия показательными являются экспериментальные методы, определяющие РВ «на выходе», прежде всего, метод семантического шкалирования и ассоциативный метод. Наконец, весьма перспективными представляются семиотические подходы к тексту, в свете которых текст рассматривается как структура, категориально-смысловая иерархия или динамическая система реализации коммуникативных программ. Такие подходы, помимо анализа смысловых вех текста, также раскрывают развертывание авторского замысла, то есть исследуют речевое воздействие «на входе», в области актуализации авторских интенций. Н. И. Жинкиным и его школой разработана модель иерархии смысловых предикатов, описывающая смысловую организацию текста: предикаты I порядка (предикации идеи) передают основную мысль и являются главными; предикаты II порядка (предикации основного содержания) передают второстепенные мысли; предикаты III и IV порядков (предикации полноты содержания) являются дополнительными к предикатам II порядка. Предикации идеи и основного содержания

выражаются в тексте смысловыми вехами, или семантически необходимыми предложениями, в которых заключена новая мысль, значимая для последующего развития сюжета. Предикации полноты содержания выражаются предложениями, не являющимися семантически необходимыми. Совокупность всех семантически необходимых предложений (смысловых вех) образуют полную смысловую программу текста [Жинкин Н. И. 1998].

А. М. Шахнарович исходит из общепринятого в психолингвистике положения о том, что цельная картина фрагмента мира, отображенного в тексте, находится вне текста. В то же время, компоненты текста являются «представителями» фрагмента мира, выражающими отражение этого мира субъектом.⁷² Это приводит исследователя к постулированию внутренних, первичных, содержательно-прагматических программ, реализуемых в тексте на этапе текстового «замысла», и внешних, вторичных, формально-лингвистических программ, реализуемых собственно в фактуре текста – в «явленной» речевой деятельности. К первичным относятся семантическая, смысловая, когнитивная и пресуппозитивная программы, к вторичным – синтаксическая, морфологическая, лексическая, фонетическая. Семантическая программа предусматривает специальную работу сознания по анализу действительности. Она завершается выбором компонентов объективного мира с целью последующего их обозначения языковыми средствами. Одной из ее задач является выстраивание некоторой семантической перспективы текста, семантических «вех». Смысловая программа вторична по отношению к семантической, она определяет смысловую структуру текста и базируется на отношении «адресант – текст». Когнитивная программа определяет когнитивную структуру текста, основана на «картине мира» в сознании адресанта и ориентирована на такую же (в основном) «картину

⁷² Шахнарович, А. М. Общая психолингвистика : учеб. пособие / А. М. Шахнарович. – М. : Изд-во РОУ, 1995. – 96 с.

мира» в сознании адресата. Формирование и действие этой программы связаны с функционированием системы когнитивных эталонов, определяющих квалификацию и отбор элементов действительности, их оценку и приписывание им атрибутивных признаков. Программа, условно названная пресуппозитивной, связана с когнитивной, но не тождественна ей, эта программа базируется на уже выстроенной цепочке отобранных компонентов ситуации и служит для их организации в тексте. Внешние программы, по-видимому, обладают теми же характеристиками, что и программы организации высказывания. Лексическая обеспечивает выбор слов по значению в соответствии с семантическими задачами и прагматической ориентированностью текста. Морфологическая и синтаксическая (и, добавим, фонетическая) программы определяют «поверхностную» структуру текста. Так описывается иерархия программ, реализующих процесс порождения текста.

Гипотеза А. М. Шахнаровича задает достаточно четкий алгоритм анализа коммуникативной деятельности как со стороны автора, так и со стороны читателя. Со стороны автора в основе этой деятельности лежат внутренние программы, а в связи с ними и в зависимости от них реализуются программы внешние. При этом «встречные» программы читателя реализуются в обратном порядке: сначала внешние программы чтения и восприятия текста, а затем – внутренние программы интерпретации, понимания и осмысления. К сожалению, выдвинув гипотезу, автор не демонстрирует ее применение на практике.

Современные семиотики художественных и прочих текстов, рассматривающие текстовые макрокомпоненты и свойства с привлечением данных теории текста, также косвенно отражают программы текстового воздействия. Л. Г. Бабенко выделяет ряд сфер и свойств текста, соответствующих трем сторонам семиотических явлений любых уровней – семантике, синтактике и прагматике. С семантикой текста коррелируют семантико-концептуальная и денотативная сферы, с синтактикой – свойства

(категории) дискретности и связности текста, с прагматикой – коммуникативная организация текста. Каждый из этих макрокомпонентов и свойств обладает определенным речевоздейственным потенциалом.

Семантическое пространство текста включает: а) концептосферу – тематически-ассоциативные слова, группирующиеся вокруг ключевых концептов; концептосфера подразделяется на ядро – когнитивно-пропозициональную структуру, приядерную зону – лексические репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры, ближайшую периферию – образные номинации концепта, и дальнейшую периферию – эмоционально-оценочные смыслы; б) денотативное пространство, включающее глобальную ситуацию, эпизодную структуру и пространственно-временную актуализацию текста (хронотопы, актуализацию реального и психологического пространства и времени, топонимы, антропонимы, пространственно-временную лексику); в) эмотивное пространство, включающее доминантные и фрагментарные эмоции, оценки, чувства и ощущения, авторскую и персонажные эмотивные оценки концептуального и денотативного содержания.⁷³

Структурная организация текста предполагает оценку таких его свойств как: а) членимость, или дискретность, текста (особенности его объемно-прагматического, контекстно-вариативного и структурно-смыслового состава); б) связность текста (особенности логико-семантических, грамматических и проч. связей).

Коммуникативная организация текста включает, согласно Л. Г. Бабенко, три прагматически значимых компонента: а) коммуникативные регистры текста (выделены Г. А. Золотовой и включают изобразительный, информативный, генеритивный, волонтивный и реактивный); б) особенности тема-рематических структур; в) характеристику рематической доминанты (по Г. А. Золотовой).

⁷³ Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта, 2003. – 496 с.

Наконец, актуализация смысла происходит через собственно лингвистические (микролингвистические) компоненты текста. В целом, анализ, предлагаемый Л. Г. Бабенко, сам по себе во многом способен прояснить речевоздейственный потенциал текста. Чем эффективнее реализуется каждый из упомянутых макрокомпонентов и свойств текста, по отдельности и в сочетании друг с другом, тем эффективнее речевое воздействие. Возможно, разработка системы числовых оценок каждого из этих компонентов и свойств может помочь вычислить потенциальную эффективность текстового воздействия. Признавая важность вышеупомянутых концепций для анализа различных семиотических аспектов текста, заметим, что собственно речевоздейственный потенциал тех или иных характеристик текста в них не ставится в центр внимания. Для изучения этого потенциала анализ текста следует организовывать по иному принципу – текстовые характеристики и компоненты надо группировать на основе их речевоздейственных свойств.

Выводы по 2 главе.

Анализ теоретических источников показал многоаспектность речевого воздействия – в этом явлении присутствуют и коммуникативно-прагматическая, и риторико-лингвистическая, и психолингвистическая составляющие. Отсюда сложность его определения и анализа. Таким образом, речевое воздействие – это произвольное и непроизвольное влияние субъекта на реципиента (либо группу реципиентов) в процессе речевого общения в устной и письменной формах, которое осуществляется с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств и определяется предметными целями коммуникации, включающими изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку его категориальных конструкторов, влияние на поведение, изменение эмоционального настроения и, физиологических процессов.

Во второй главе мы большое внимание уделяли толкованию таких понятий как: речевое воздействие, речевая стратегия, речевая тактика, демагогия.

Определение понятий позволило глубже изучить все составляющие речи, в частности диалогической речи. Речевое воздействие и демагогия проявляются в структуре спора, причем он может быть открытым и закрытым. Демагогия охватывает всю нашу жизнь и главными ее атрибутами считаются убеждение, запугивание, внушение.

Глава 3. Изображение стратегий и тактик демагогического речевого воздействия в художественной прозе Ф.М. Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы»)

3.1 Стратегия дискредитации оппонента. Тактика «Спор-диалог».

Ф.М. Достоевский вошел в мировую культуру не просто как писатель, философ, психолог, но и как ярый противник демагогии. Анализ художественной прозы писателя помог нам выявить целый комплекс различных стратегий и тактик демагогического речевого воздействия.

Практически все произведения Ф.М. Достоевского представляют собой некую борьбу человека с демагогией. Сам писатель говорил, что демагогия – это осознанная ложь не только окружающим, но и самому себе.⁷⁴

В прозе Ф.М. Достоевского демагогия имеет несколько видов, это и семейно-бытовая демагогия, судебная, политическая.

Используя данные научных исследований типов речевого воздействия, нами были проанализированы произведения, которые на наш взгляд глубоко впитали в себя проблему демагогии и по этой причине представляются нам более интересными. Анализ проблемы демагогии в художественном тексте на примере произведений Ф.М. Достоевского позволил не только раскрыть «технология» использования демагогических приемов в диалогической речи, но и подчеркнуть неповторимость прозы писателя.

Изучение использования писателем демагогического речевого воздействия в избранных нами произведениях: «Село Степанчиково и его обитатели», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Бесы» привело к выделению речевых стратегий и их тактик. Итак, наиболее часто применяемой стратегией стала стратегия дискредитации оппонента. Она

⁷⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя

включает в себя несколько различных тактик, одной из которых является тактика «Спор-диалог».

Примером использования подобной тактики является диалог между Степаном Трофимовичем и Варварой Петровной из 2 главы 1 части романа «Бесы»:

Но, мой добрый друг! в третий раз и в моих летах... и с таким ребенком! — проговорил он наконец. — Но ведь это ребенок!

— Ребенок, которому двадцать лет, слава богу! Не вертите, пожалуйста, зрочками, прошу вас, вы не на театре. Вы очень умны и учены, но ничего не понимаете в жизни, за вами постоянно должна нянька ходить. Я умру, и что с вами будет? А она будет вам хорошею нянькой; это девушка скромная, твердая, рассудительная; к тому же я сама буду тут, не сейчас же умру. Она домоседка, она ангел кротости. Эта счастливая мысль мне еще в Швейцарии приходила. Понимаете ли вы, если я сама вам говорю, что она ангел кротости! — вдруг яростно вскричала она. — У вас сор, она заведет чистоту, порядок, все будет как зеркало... Э, да неужто же вы мечтаете, что я еще кланяться вам должна с таким сокровищем, исчислять все выгоды, сватать! Да вы должны бы на коленях... О, пустой, пустой, малодушный человек!

— Но... я уже старик!

Что значат ваши пятьдесят три года! Пятьдесят лет не конец, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже, как она вас уважает. Умри я, что с нею будет? А за вами она спокойна, и я спокойна. У вас значение, имя, любящее сердце; вы получаете пенсион, который я считаю своею обязанностью. Вы, может быть, спасете ее, спасете! Во всяком случае, честь доставите. Вы сформируете ее к жизни, разовьете ее сердце, направите мысли. Нынче сколько погибают оттого, что дурно направлены мысли! К тому времени поспеет ваше сочинение, и вы разом о себе напомниме.

— Я именно, — пробормотал он, уже польщенный ловкою лестью Варвары Петровны, — я именно собираюсь теперь присесть за мои «Рассказы из испанской истории»...

— Ну, вот видите, как раз и сошлось.

— Но... она? Вы ей говорили?

— О ней не беспокойтесь, да и нечего вам любопытствовать. Конечно, вы должны ее сами просить, умолять сделать вам честь, понимаете? Но не беспокойтесь, я сама буду тут. К тому же вы ее любите...

У Степана Трофимовича закружилась голова; стены пошли кругом. Тут была одна страшная идея, с которою он никак не мог сладить.

— Excellente amie! — задрожал вдруг его голос, — я... я никогда не мог вообразить, что вы решитесь выдать меня... за другую... женщину!

— Вы не девица, Степан Трофимович; только девиц выдают, а вы сами женитесь, — ядовито прошипела Варвара Петровна.

— Oui, j'ai pris un mot pour un autre. Mais... с'est — уставился он на нее с потерянным видом.

— Вижу, что с'est — презрительно процедила она, — господи! да с ним обморок! Настасья, Настасья! воды!

Но до воды не дошло. Он очнулся. Варвара Петровна взяла свой зонтик.

— Я вижу, что с вами теперь нечего говорить...

— Oui, oui, je suis incapable.

— Но к завтраму вы отдохнете и обдумаете. Сидите дома, если что случится, дайте знать, хотя бы ночью. Писем не пишите, и читать не буду. Завтра же в это время приду сама, одна, за окончательным ответом, и надеюсь, что он будет удовлетворителен. Постарайтесь, чтобы никого не было и чтобы сору не было, а это на что похоже?

Настасья, Настасья!

3.2 Стратегия дискредитации. Тактика «Ваши тайные помыслы»

Тактика «Ваши тайные помыслы» достаточно популярна в судебной области. Осень часто используется в залах судебного заседания, при рассмотрении уголовных правонарушений. Оппонент использует этот прием, чтобы провести параллель между теорией и практикой.

Подобное явление наблюдается при первой встрече Раскольников со следователем Порфирием Петровичем.

«— Нет, нет, не совсем потому, — ответил Порфирий. — Всё дело в том, что в ихней статье все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступить закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные. Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?

— Да как же это? Быть не может, чтобы так! — в недоумении бормотал Разумихин.

Раскольников усмехнулся опять. Он разом понял, в чем дело и на что его хотят натолкнуть; он помнил свою статью. Он решился принять вызов.

— Это не совсем так у меня, — начал он просто и скромно. — Впрочем, признаюсь, вы почти верно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно верно... (Ему точно приятно было согласиться, что совершенно верно). Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства, как вы говорите. Мне кажется даже, что такую статью и в печать бы не пропустили. Я просто-запросто намекнул, что «необыкновенный» человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует. Вы изволите говорить, что статья моя неясна; я готов ее вам разъяснить, по

возможности. Я, может быть, не ошибусь, предполагая, что вам, кажется, того и хочется; извольте-с. По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, — более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться. Одним словом, вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано. Что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенных, то я согласен, что оно несколько произвольно, но ведь я же на точных цифрах и не настаиваю. Я

только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово.

Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому

что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унизительного. Второй разряд, все престопают закон, разрушители или

склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего.

Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, — смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, — это заметьте. В этом только смысле я и говорю в моей статье об их праве на преступление. (Вы припомните, у нас ведь с юридического вопроса началось).

Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать. Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и — vive la guerre eternelle,¹⁰⁴ — до Нового Иерусалима, разумеется!

— Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?

— Верую, — твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

— И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.

— Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.

— И-и в воскресение Лазаря веруете?

— Ве-верую. Зачем вам всё это?

— Буквально веруете?

— Буквально.

— Вот как-с... так полюбопытствовал. Извините-с. Но позвольте, — обращаюсь к давешнему, — ведь их не всегда же казнят; иные напротив...

— Торжествуют при жизни? О да, иные достигают и при жизни, и тогда...

— Сами начинают казнить?

— Если надо и, знаете, даже большею частью. Вообще замечание ваше остроумно.

— Благодарю-с. Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть? Я в том смысле, что тут надо бы поболее точности, так сказать, более наружной определенности: извините во мне естественное беспокойство практического и благонамеренного человека, но нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?.. Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет «устранять все препятствия», как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...

— О, это весьма часто бывает! Это замечание ваше еще даже остроумнее давешнего...

— Благодарю-с...

— Не стоит-с; но примите в соображение, что ошибка возможна ведь только со стороны первого разряда, то есть «обыкновенных» людей (как я,

может быть очень неудачно, их назвал). Несмотря на врожденную склонность их к послушанию, по некоторой игривости природы, в которой не отказано даже и корове, весьма многие из них любят вообразить себя передовыми людьми, «разрушителями» и лезть в «новое слово», и это совершенно искренно-с. Действительно же новых они в то же время весьма часто не замечают и даже презирают, как отсталых и унижительно думающих людей. Но, по-моему, тут не может быть значительной опасности, и вам, право, нечего беспокоиться, потому что они никогда далеко не шагают. За увлечение, конечно, их можно иногда бы посесть, чтобы напомнить им свое место, но не более; тут и исполнителя даже не надо: они сами себя посекут, потому что очень благонравны; иные друг дружке эту услугу оказывают, а другие сами себя собственноручно... Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, — выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего... Такой закон есть.

— Ну, по крайней мере с этой стороны, вы меня хоть несколько успокоили; но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, «необыкновенных-то» этих? Я, конечно, готов преклониться, но ведь согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а?

— О, не беспокойтесь и в этом, — тем же тоном продолжал Раскольников. — Вообще людей с новой мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало. Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным. Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы наконец, чрез какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом,

посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, понатужиться и породить наконец на свет, ну хоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. Еще с более широкою самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один (я говорю примерно, наглядно). Еще с более широкою — из ста тысяч один. Гениальные люди — из миллионов, а великие гении, завершители человечества, — может быть, по истечении многих тысяч миллионов людей на земле. Одним словом, в реторту, в которой всё это происходит, я не заглядывал. Но определенный закон непременно есть и должен быть; тут не может быть случая.⁷⁵

Особенностью этой тактики является двусторонняя связь, потому что дискуссия принуждает оппонентов играть роли. Здесь Порфирий путем наводящих вопросов действует на Раскольников и уже «знает» кто совершил убийство. Раскольников сразу меняет свою роль и надевает маску «нейтрального философа».

Здесь маркерами ДРВ выступают слова, предающие официальность и подозрение: видите ли, всякие, всяческие, право, перешагнуть, полагаю, кажется, извольте, буквально, далее, разумеется.

3.3 Стратегия опровержение аргументации. Тактика «некорректная аналогия».

Второй часто используемой стратегией является стратегия опровержение аргументации.

Используя эту стратегию, оппонент стремится ввести в заблуждение своего идейного противника. Тактика «некорректная аналогия» как нельзя лучше содействует в этом процессе.

⁷⁵ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Преступление и наказание». – Л., 1997-1990 Т.2 С. 36

Оппонент апеллирует цитатами, афоризмами, пословицами создавая иллюзию правильности своей точки зрения.

Ярким примером тому может послужить речь Федора Карамазова:

«Приезжаю лет семь назад в один городишко, были там делишки, а я кой с какими купчишками завязал было компанишку. Идем к исправнику, потому что его надо было кой о чем попросить и откушать к нам позвать. Выходит исправник, высокий, толстый, белокурый и угрюмый человек. – **самые опасные в таких случаях субъекты: печень у них, печень.**

Я к нему прямо, и знаете с развязностью светского человека: «г. исправник, будьте, говорю, **нашим так-сказать Направником!**» **Каким это, говорит, Направником? – Я уж вижу с первой полсекунды, что дело не выгорело, стоит серьезный, уперся: «Я, говорю, пошутить желал, для общей веселости, так как г. Направник известный наш русский капельмейстер, а нам именно нужно для гармонии нашего предприятия в роде как бы тоже капельмейстера...** И резонно ведь разъяснил и сравнил, не правда ли? «Извините, говорит, я исправники каламбуров из звания моего строить не позволю». Повернулся и уходит. Я за ним, кричу: «да, да, вы исправник, а не Направник!» – «Нет, говорит, уж коль сказано, так значит я Направник». И представьте, ведь дело-то наше расстроилось! **И все-то я так, всегда-то я так. Непременно-то я своею же любезностью себе наврежу!** Раз, много лет уже тому назад, говорю одному влиятельному даже лицу: **«Ваша супруга щекотливая женщина-с», – в смысле то-есть чести, так сказать, нравственных качеств, а он мне вдруг на то: «А вы ее щекотали?» Не удержался, вдруг, дай, думаю, полюбезничаю: «да, говорю, щекотал-с», ну тут он меня и пощекотал... Только давно уж это произошло, так что уж не стыдно и рассказать; вечно-то я так себе наврежу!»**⁷⁶

⁷⁶ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Братья Карамазовы». – Л., 1997-1990 Т.1 С. 50

Маркерами ДРВ служат слова, имеющие пренебрежительно-ласкательный суффикс –ишк-: *городишко, делишки, купчишками, компаньишку, исправник, направник, щекотливая женщина.*

Или же пример из романа «Село Степанчиково и его обитатели»:

— Так этот *галстух аделаидина цвета?* — спросил я, строго посмотрев на молодого лакея.

— *Аделаидина-с,* — отвечал он с невозмутимой деликатностью.

— *А аграфенина цвета нет?*

— Нет-с. *Такого и быть не может-с.*

— Это почему?

— *Неприличное имя Аграфена-с.*

— *Как неприличное? почему?*

— *Известно-с: Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное-с; а Аграфеной могут называть всякую последнюю бабу-с.*

— *Да ты с ума сошел или нет?*

— *Никак нет-с, я при своем уме-с. Все — конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами; но разговором моим многие генералы и даже некоторые столичные графы оставались довольны-с.*

Маркеры ДРВ: *галстух аделаидина цвета, аграфена цвета, неприличное имя, облагороженное, обзывать меня.*⁷⁷

3.4. Стратегия опровержение аргументации. Тактика «выдача следствия за причину» (навязанное следствие)

Тактика «выдача следствия за причину» (навязанное следствие) рассматривается в романе «Село Степанчиково и его обитатели», когда

⁷⁷ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Село Степанчиково и его обитатели» Л., 1997-1990 Т.10 С. 89

собеседник Фомы Опискина был в затруднении ответить на нелепый вопрос Фомы. И домашний тиран Фома Фомич быстро воспользовался приемом навязанного следствия:

— Прежде кто вы были? — говорит, например, Фома, развалиясь после сытного обеда в покойном кресле, причем слуга, стоя за креслом, должен был отмахивать от него свежей липовой веткой мух. — На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронил в вас искру небесного огня или нет?

Отвечайте: заронил я в вас искру или нет?

— Отвечайте же: горит в вас искра или нет?

— Позвольте вам заметить, что я жду, — замечает Фома обидчивым ГОЛОСОМ.

— Mais repondez donc, Егорюшка! — подхватывает генеральша, пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горит ли в вас эта искра или нет? — снисходительно повторяет Фома, взяв конфетку из бонбоньерки, которая всегда ставится перед ним на столе. Это уж распоряжение генеральши.

— Ей-богу, не знаю, Фома, — отвечает наконец дядя с отчаянием во взорах,

— Должно быть, что-нибудь есть в этом роде... Право, ты уж лучше не спрашивай, а то я сокру что-нибудь...

Хорошо! Так, по-вашему, я так ничтожен, что даже не стою ответа, — вы это хотели сказать? Ну, пусть будет так; пусть я буду ничто.

— Да нет же, Фома, бог с тобой! Ну когда я это хотел сказать?

— Нет, вы именно это хотели сказать.

— Да клянусь же, что нет!

— Хорошо! пусть буду я лгун! пусть я, по вашему обвинению, нарочно изыскиваю предлога к ссоре; пусть ко всем оскорблениям присоединится и это — я все перенесу...

— Mais, mon fils... — вскрикивает испуганная генеральша.

— Фома Фомич! маменька! — восклицает дядя в отчаянии, — ей-богу же, я не виноват! так разве, нечаянно, с языка сорвалось!.. Ты не смотри на

меня, Фома: я ведь глуп — сам чувствую, что глуп; сам слышу в себе, что нескладно... Знаю, Фома, все знаю! ты уж и не говори! — продолжает он, махая рукой. — Сорок лет прожил и до сих пор, до самой той поры, как тебя узнал, все думал про себя, что человек... ну и все там, как следует. А ведь и не замечал до сих пор, что грешен как козел, эгоист первой руки и наделал зла такую кучу, что диво, как еще земля держит!

— Да, вы-таки эгоист! — замечает удовлетворенный Фома Фомич.

— Да уж я и сам понимаю теперь, что эгоист! Нет, шабаш! исправлюсь и буду добрее!

— Дай-то бог! — заключает Фома Фомич, благочестиво вздыхая и подымаясь с кресла, чтоб отойти к послеобеденному сну. Фома Фомич всегда почивал после обеда.⁷⁸

⁷⁸ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Село Степанчиково и его обитатели» Л., 1997-1990 Т.1 С. 154

Выводы по 3 главе

Явление речевого воздействия, так или иначе, затрагивает все основные компоненты речевой коммуникации – сам текст, отправителя сообщения, получателя сообщения. Поскольку обмен смысловыми структурами составляет сущность человеческой коммуникации, существенное внимание здесь было уделено проблеме смысла. Смысл – не столько лингвистическое, сколько психологическое и герменевтическое явление, поэтому методы и терминологический аппарат в изучении РВ заимствуются из психологии и герменевтики, а тексты выступают не как объекты собственно лингвистического анализа, а как материал анализа смыслов коммуникантов.

Глава 3 посвящена описанию и анализу демагогического речевого воздействия выборок из художественных произведений.

Анализ проводился на основе имеющейся классификации демагогических приемов и стратегий. К ним относятся 3 стратегии: опровержение аргументации, игнорирование аргументации, дискредитация аргументации. Все стратегии рассматривались на фоне присущих им тактик («Спор-диалог», «Ваши тайные помыслы», «Некорректная аналогия», «выдача следствия за причину»)

Заключение

Настоящее исследование было посвящено анализу изображения стратегий и тактик демагогического речевого воздействия в произведениях Ф.М. Достоевского («Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы», «Братья Карамазовы»). Оно было сопряжено с решением ряда актуальных проблем современной лингвистики, с определением терминологического аппарата и осмыслением чужой речи в коммуникативно-синтаксическом аспекте.

Наиболее актуальными для анализа изображения демагогического речевого воздействия в произведениях Ф.М. Достоевского являются исследования, рассматривающие внутреннюю диалогичность идиостиля Достоевского, полное погружение писателя в сферу чужой речи, диалектику соотношения авторского и персонажного слова и др.

Исследование показало, что речевая стратегия представляет собой планирование процесса коммуникации, определяющее её успешность. Способом реализации стратегии выступает тактика. Развертывание тактики происходит в серии коммуникации.

Обращение к произведениям Ф.М. Достоевского позволило углубить представления о разрушающем характере ДРВ, которое может быть направлено как на жертву, так и на самого демагога. Художественная значимость изображения демагогического речевого воздействия в прозе Ф.М. Достоевского обусловила своеобразие композиционно-синтаксической постановки конструкций с прямой речью в его произведениях.

Большую функциональную нагрузку приобретает расширение слов автора, которые играют разоблачающую роль: маркируют демагогический характер слов персонажа, опровергают их, свидетельствуют об успешности / неуспешности демагогической тактики. Имитируя цельное речевое общение, демагоги нередко прибегают к средствам диалогизации (многочисленные обращения к присутствующим, организация вопросо-ответного комплекса и др.).

Речевая демагогия представляет собой целенаправленное разрушающее речевое воздействие на адресата, в основе которого лежит намеренное искажение событий и фактов. Современный психолингвистический подход к речевой демагогии требует её стратегического и тактического осмысления.

Персонажами-демагогами Ф.М. Достоевского используются демагогические стратегии: дискредитации аргументации, опровержения аргументации и игнорирования аргументации, управления речевой коммуникацией, информирования, поиска информации.

Перечисленные нами стратегии демагогического речевого воздействия в прозе писателя отличаются взаимообусловленностью и спаянностью.

В идиостиле Ф.М. Достоевского контаминация демагогических тактик выражает установку писателя на обнаружение парадоксальности речевой демагогии. Контаминация тактик демагогического речевого воздействия обусловлена их взаимодополняющим, поясняющим характером. Выявляются тенденции использования синтаксических, служебных средств в развертывании и обыгрывании тактик.

Изображение тактики мотивировано образом персонажей. В произведениях Ф.М. Достоевского представлены образы классического демагога (Фома Опискин), демагогов-шутов (капитан Лебядкин, Федор Павлович Карамазов, Липутин и др.), политического провокатора (Петр Верховенский). Вершиной эволюции этих образов становится демоническая фигура Николая Ставрогина.

Проанализированные произведения Ф.М. Достоевского отмечены синкретизмом изображения и разоблачения речевой демагогии в двух типах текстовых зон ДРВ: в провоцирующей ситуации (тенденция монологического развертывания) и ситуации словесного поединка (тенденция диалогического развертывания). Наряду с синкретичными текстовыми ситуациями, в его произведениях представлены фрагменты с доминирующей разоблачающей установкой.

Библиография

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта, 2003. – 496 с.
2. Баранов, А. Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации : сб. обзоров / ред.-сост. Н. А. Безменова, Л. Г. Лузина. – М. : ИНИОН, 1986. 26 с.
3. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации : (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / Баранов Анатолий Николаевич ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : [б. и.], 1990. – 48 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 35
5. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7-162.
6. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986. С.80-160.
7. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 87
8. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 36
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.-470с.
10. Бем, А. Л. Письма о литературе. Прага, 1996. С. 78
11. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ : лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с
12. Герцен А.И. Былое и думы. Lib.ru /LITRA/ (дата последнего обращения 12.03.2015)
13. Гордон, Дэвид. Терапевтические метафоры (оказание помощи другим посредством зеркала) : пер. с англ. / Дэвид Гордон. Ред. С. Горин. Канск : [б. и.], 1994. – 144 с.
14. Грифцов Б.А. М.: 1988. Метод Фрейда и Достоевский, с. 252

15. Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. // Гроссман Л.П. Собр. соч.: В 4-х т. Т.4. М.: "Достоевский за рулеткой", введение, с. LX.
16. Достоевский, Ф. М. Записки писателя // Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 27, С. 65
17. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. Л.: 1972-1990.т. 1-30. кн. 1, с.61
18. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5. С. 44
19. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5. С. 46
20. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собрание сочинений в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5. С. 270
21. Достоевский, Ф.М. Бесы. // Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 7, с. 367
22. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собр. Соч. в 15-ти томах. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 5. С. 245
23. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. // Собр. Соч. в 15-ти томах. Л., "Наука", 1989. Том 5. С. 245
24. . Достоевский, Ф. М. Бесы. // Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 7, с. 172
25. Достоевский, Ф. М. Бесы. // Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 7 с. 173
26. Достоевский, Ф. М. Бесы. // Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 7с. 494
27. Достоевский, Ф. М. Бесы. // Собр. Соч. в 15 т. Л.: Наука, 1988-1986. Т. 7 с. 574
28. Достоевский Ф.М. «Подросток», yes@lib.ru. С 34
29. Достоевский Ф.М. «Подросток», yes@lib.ru. с. 56
30. Достоевский Ф.М. «Подросток», yes@lib.ru. С.12
31. Достоевский Ф.М. «Подросток», yes@lib.ru. С.32
32. Достоевский Ф.М. Дневник писателя

33. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Братья Карамазовы». – Л., 1997-1990 Т.1 С. 50
34. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Преступление и наказание». – Л., 1997-1990 Т.2 С. 36
35. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Братья Карамазовы». – Л., 1997-1990 Т.1 С. 50
36. Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч.: В 30 т. «Село Степанчиково и его обитатели» Л., 1997-1990 Т.10 С. 89
37. Жебелев С.А. Сократ: биографический очерк/ С.А. Жебелев. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.С. 20
38. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2004. – 44 с. – Библиогр.: с. 40–44
39. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // vehi.net: библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. 2000-2012. URL: http://www.vehi.net/dostoevsky/ivanov.html#_ftn1 (дата обращения: 04.11.2014)
40. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // vehi.net: библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы. 2000-2012. URL: http://www.vehi.net/dostoevsky/ivanov.html#_ftn1 (дата обращения: 01.09.2013)
41. Ильин И.А. Демагогия и провокация. М.: «Просвещение», 1917.С. 12
42. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е, стер. М. : КомКнига, 2006. С.24
43. Иссерс, О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс // Вестн. Омск. ун-та. – 1999. – Вып. 1. – С. 74–79.
44. Кантор В.К. Достоевский, Ницше и кризис христианства в Европе конца19 – начала 20 века. Вопросы философии 2002 № 9 с 51
45. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить. - М.,1989. С.64

46. Кирпотин В.Я. Жанровое своеобразие романа «Подросток»//
Кирпотин В.Я. Статьи, исследования.М., 1893.с. 3
47. Котов, А. А. Описание речевого воздействия в лингвистической модели [Электронный ресурс] / А. А. Котов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. «Диалог 2003». – М. : [б. и.], 2003. – Режим доступа: <http://www.harpia.ru/theory.html>
48. Малер Г. Письма, воспоминания. – М.: 1964, с. 507.
49. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.,2000. – С.61
50. Мошковский А.А., Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира.-М.: 1922, с.162
51. Нестеренко Ю. Л. Классификация демагогических приемов с примерами и советами по противодействию. М.: 2006. С.2
52. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2.- М.: 1990. с. 620.
53. Остин, Д. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин ; пер. с англ. А. А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Б. Ю.
54. Паскаль Б. Мысли. – М.: «REFL-BOOK», 1994. С. 327
55. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории : проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнев. – М. : Мысль, 1974. – 487 с.
56. Романов, А. А. Системный анализ регул. лативных средств диалогического общения. М., 1988.С.32
57. Савченко Н.К. Как построен роман Достоевского «Подросток»//Русская литература. 1964. - № 4. – С.41.
58. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. – Воронеж: «Истоки», 2012.- 178 с.
59. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Полиграф, 2001.С.23
60. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Полиграф, 2001. С. 46
61. Сергеечева В. Азы общения: стратегия и тактика М.2002 С. 14.

62. Толстой, Л. Н. Анна Каренина // Lib.ru: Проект "Собрание классики" Библиотеки Мошкова . 2004-2013. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0080.shtml (дата обращения: 23.10.2013)
63. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка.
64. Фрейд.З. Достоевский и отцеубийство//под ред. Р.Ф. Додельцева и К.М. Долгова. – М.: Республика, 1995
65. Хорват Г.Ш. Фантастический дискурс у Достоевского. Внутреннее слово героя и проблема письма в «Кроткой» // Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. Каталин Кроо и др. СПб.: ДБ, 2011, с. 136
66. Шахнарович, А. М. Общая психолингвистика : учеб. пособие / А. М. Шахнарович. – М. : Изд-во РОУ, 1995. – 96 с.
67. Шестов, Л. И. Достоевский и Ницше: философия трагедии. М.: "АСТ", 2007, 220 с.
68. Шопенгауэр А. Эристика, или искусство побеждать в спорах. Filosof.historic.ru (дата последнего обращения 23.04.2015)
69. L.A. Richards1965.. A study of misunderstanding and its remedies, 1965 С.. 3
70. L.A. Richards1965.. A study of misunderstanding and its remedies, 1965 С. 23.